
Каролина Дэй
ГРЕШНЫЕ ИГРЫ
Обращение
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Каролина Дэй

Грешные игры. Порабощение

Серия «#про_грех», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69141748
SelfPub; 2026

Аннотация

Учеба в лучшем университете, верные друзья, первая любовь. Все шло замечательно, пока не вмешался тот, кто изменил приоритеты и разрушил обыденную жизнь. Тот, кто сводит с ума всего лишь взглядом.

Что делать, если в мыслях сидит один, а сердце замирает при виде другого?

Содержание

Глава 1. Начало 4
Глава 2. Соседи 10
Глава 3. Первокурсница 19
Глава 4. Все случается впервые 28
Глава 5. Наверное, это и есть любовь 35
Глава 6. Идеальное утро. 47
Глава 7. Расширяя границы. 57
Глава 8. Вечеринка? Вечеринка! 69
Глава 9. Хэллоуин 77
Глава 10. Сара 87
Глава 11. Я совершила ошибку 93
Глава 12. Забыть прошлое 106
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Каролина Дэй
Грешные игры. Порабощение

Глава 1. Начало

Прим. Автора: чтобы у вас не возникало вопросов, курсив в диалогах ставится в тех случаях, когда герои разговаривают на русском языке. Прямой шрифт – английская речь. Пишу специально для того, чтобы вы не запутались, ибо герои живут в другой стране, а не в родных реалиях, как в других моих романах. Этот приём работает только в диалогах! Приятного прочтения) Ваша Каролина Дэй)

– *Ты ничего не забыла?* – спрашивает мама, когда объявляют посадку на мой рейс. Еще один вопрос, заданный множество раз за несколько часов, на который отвечу:

– *Да, мам.*

– *Документы на месте?*

– *Да, мам,* – произношу скорее монотонно, нежели серьезно.

– *Проверь! Вдруг забыла!*

– *Как я могла их забыть? Мы же вместе клали их во*

внутренний карман.

– Говорю тебе, проверь! – чуть жестче, чем нужно, чеканит она.

Под внимательным взглядом открываю сумку и демонстрирую родительнице наличие всех документов. Паспорта, результаты экзаменов, страховка. Все на месте, ничего не исчезло. Только после этого взгляд матери слегка смягчается, но не теряет привычной сосредоточенности.

– Деньги на карточку я буду присылать раз в месяц. Экономь по максимуму, Софа, мы не миллионеры!

Эту реплику пропускаю мимо ушей. Она повторяется из раза в раз на протяжении долгих лет. Слова, которые не оставят в покое ни на секунду.

– *Ну что, беги*, – мягко произносит мама. На долю секунды замечаю, как в зеленом взоре, точь-в-точь похожем на мой, проскальзывает маленькая слезинка. Она стекает по щеке, скатывается к подбородку, пока мама не смахивает ее мимолетным движением кисти. И в этот же момент возвращается привычная родительница. Собранная и серьезная. – *Не забудь сразу же отнести документы в университет, как только прилетишь!*

– *Хорошо*, – улыбаюсь, глядя в родные глаза. Я буду тосковать по этим наставлениям, по контролю, по взгляду, пытающемуся найти во мне изъян и немедленно исправить его. Буду тосковать по родным краям, которые вот-вот собираюсь покидать.

– Будь умницей и благоразумницей.

– Я тоже буду скучать, мам.

Не выдержав, обнимаю единственного родного человека на этой планете. Крепко-крепко, насколько хватает сил. Неизвестно, когда еще вернусь на родину, скорее всего, только в новогодние праздники, если учеба позволит.

С близкими людьми всегда тяжело прощаться, особенно с горячо любимой мамой. На протяжении восемнадцати лет я находилась под ее крылом, под жесткой, но не менее нужной опекой, а тут улетаю за тысячи километров от родного дома в другую страну. Улетаю за своей мечтой, которой грезила последние годы. А теперь самое заветное желание готово вот-вот сбыться!

Встречай меня, Великобритания!

Я давно мечтала учиться за границей, но не хотела оставлять маму без поддержки. Всю жизнь мы существовали вдвоем, преодолевая трудности, особенно последние два года. Подготовка к поступлению отняла много сил и средств, что ударило по бюджету нашей и без того небогатой семьи.

В итоге все окупилось сполна. Я выиграла конкурс, прошла специальное обучение, совмещая со школой, и получила бесплатное место в лучшем университете Англии. Интересно, что ждет меня в Лондоне? Какие там люди? Смогу ли стать своей среди чужих, или буду изгоем общества, как в школе?

Самолет прилетает четко по расписанию в Хитроу, на

электричке доезжаю до вокзала, а там на метро до нужной остановки. Меня переполняет радость от новизны. От того, что я не просто смотрю картинки в интернете, а своими ногами ступаю по лондонским улицам. Не то что наш маленький городок в Подмосковье со старыми дорогами и наполовину разваленными домами.

Легкий ветерок колышет аккуратно собранные в хвост рыжие пряди, голубое небо закрыто пеленой воздушных облаков, а воздух… Я глубоко вдыхаю и выдыхаю, подставив лицо ветру. Так и иду до общежития. Небольшое здание, скрытое за зелеными деревьями и ажурной калиткой. Значит, здесь теперь мой дом?

– Софья Фролова? – с чуть корявой английской «Р» и смазанной «Я» спрашивает комендант – полноватая, но открытая, судя по широкой улыбке, темноволосая женщина – когда я переступаю порог нового жилья. – Комната 3D, – женщина отдает мне ключи после кивка головой, и я тут же следую к лестнице.

Дом, милый дом! А тут очень мило. Я много наслышана об общежитиях в России и почему-то представляла, что здесь будет так же ужасно. Но все оказалось с точностью да наоборот. Здесь царит атмосфера уюта и тепла, несмотря на легкую прохладу. Повсюду висят плакаты, расставлены цветы, небольшие диванчики, а цветовая гамма в пастельных оттенках дополняет этот самый уют. Так увлеклась разглядыванием нового жилища, пока…

– Ай! – неожиданно вскрикиваю, когда резко натыкаюсь на что-то неподвижное и высокое. Откуда здесь появилась стена? К тому же такая твердая, чуть теплая и…

– Аккуратнее, – насмешливо звучит над головой.

Как в замедленной съемке, смотрю наверх, сталкиваясь со смеющимися светлыми глазами. Голубыми или серыми, не пойму. Что-то между этими оттенками.

Руки больше не держат чемодан, а я…

…только что вписалась в парня… очень красивого парня.

Широкоплечий, светловолосый, с пухлыми губами и белоснежной улыбкой. Он что, жемчугом зубы измазал? Почему они так блестят?

– Проснись! – блондин щелкает пальцами перед лицом несколько раз, заставляя прийти в себя.

Как долго стояла будто истукан, рассматривая парня? Вот блин! Подумает еще, что я на него запала. Разве нет? В моей жизни была влюбленность, но до отношений никогда не доходило. Ни с кем. Даже до поцелуя.

– Джек, ты идешь?

– Я догоню, чуваки, бегите! – кричит светловолосый незнакомец, все так же стоя впритык.

В какой момент сердце успело набрать такой бешеный ритм? Когда мне стало не хватать кислорода? Почему он не отходит, а стоит на месте? Эй, отойди! Я и так не в себе от этого происшествия!

– Ты жива, красотка? – выгибает светлую, почти прозрач-

ную бровь.

Красотка…

Этот парень, весь из себя привлекательный, с кучей друзей, которые его ждут на улице, только что назвал меня красоткой! Ой, мамочки! Никто и никогда раньше не отвешивал таких комплиментов, не спрашивал, жива я или нет. И это так… мило.

Я совсем забыла о наставлениях матери, о документах, которые нужно отвести в университет, о будущем в чужой стране, об упавшем при столкновении чемодане прямо посреди коридора. Обо всем на свете. Поддалась соблазну красивой мальчишеской улыбки. До одного момента.

– Джек, алло! Колин не любит ждать! – кричит кто-то сзади более разъяренно, чем в прошлый раз.

Наверное, это и приводит меня в чувство. Или то, что парень все-таки разрывает непонятную ауру, созданную между нами, и, подняв упавший из рук чемодан, шепчет:

– Осторожнее.

Только и всего. После чего оставляет меня одну в пустынном коридоре.

Так странно. Чувствую себя легкой и в то же время очень тяжелой. С места не могу сдвинуться, ноги словно приросли к паркету. С большим трудом заставляю себя шагнуть вперед.

И это все из-за встречи с одним парнем? Меня ждут веселые дни в Лондоне.

Глава 2. Соседи

Мне досталась двухместная уютная комната в теплых тонах. Здесь наверняка жили девушки до этого, судя по расписным светло-розовым обоям и мягкому бежевому ковролину. Интересно, а с кем меня поселили? Найду ли общий язык с соседкой? Станем ли мы… подругами?

В школе мне трудно давались знакомства и дружба – привыкла всегда быть одной. Изгоем… Стоп! Не за этим прилетела сюда и боролась за единственное бюджетное место, чтобы вспоминать прошлое. Я начинаю жизнь с чистого листа!

– Фак! Что за нахуй! – тишина в комнате резко нарушается грохотом в дверях и матерным английским, произнесенным грубоватым женским голосом.

Поначалу я подумала, что комендант решила лично занести расписание на предстоящий семестр. Но это не так. Хозяйка отборного мата появляется в дверях через пару мгновений, удерживая в ладони ручку огромного чемодана. Сломанную ручку. Потому что сам чемодан валяется в проходе. Сегодня у всех проблема с личными вещами.

– Так ты и есть моя соседка? – вопросительно изогнув бровь, спрашивает блондинка, сняв с лица большие очки.

Сразу видно, девушка небедна. Одета с лоском, с шиком. Красавица с пухлыми губами и точеными скулами. Высокая в своих туфлях на длинной шпильке. И, кажется, у меня, си-

дящей в растянутой толстовке и походных джинсах, зашитых по несколько раз, начинает развиваться комплекс неполноценности.

– Наверное, – отвечаю неуверенно. – Меня зовут Софья, – протягиваю блондинке руку.

– Сара. Очень приятно, – девушка пожимает руку в ответ. – Поможешь разобрать вещи?

– Я… хотела документы завезти в университет.

– Какие, к черту, документы? – натыкаюсь на насмешку в глазах девушки. – Сегодня выходной. Вряд ли кто-то приедет в универ ради рыжей девчонки.

Вижу ухмылку на ее лице, и меня одолевает неловкость. А я о таком варианте не подумала. Мама твердила, чтобы я как можно скорее отвезла документы, не подозревая, что сегодня, возможно, никого не будет. Жаль, что сама не учла этот факт вовремя, находясь под впечатлением от прилета в город.

– Эй, ты чего напряглась? Не убежит от тебя декан, успеешь все. Пошли вещи разбирать, – чуть грубовато, но все же весело пропевает блондинка, затаскивая модный чемодан лазурного цвета в центр комнаты. И ставя рядом с моим, потрепанным и немного старым. Смотрятся они вместе не очень-то красиво, но Сара, видимо, не обращает на это внимания.

Или просто молчит ради приличия.

Первое впечатление о новой соседке сложилось довольно

странное. Почему-то мне показалось, что блондинка относится больше к ненавистному мною типу людей. К стервам, идущим по головам других. Но этот стереотип, основанный лишь на внешности, быстро развеялся, стоило нам приняться за дело.

На протяжении нескольких часов мы болтаем и разбираем вещи. Если быть точнее, то в основном раскладываем гардероб Сары, ибо мои пожитки не так масштабны. Всего лишь куртка, пара свитеров и джинсы – самое необходимое. И я не стыжусь. До того момента, пока не натыкаюсь на одно из пестрых платьев серебристого цвета, коих у девушки неприлично много.

– Чего смотришь? Понравилось? – резковато интересуется Сара. И оказывается права. Понравилось до ужаса, потому что таких откровенных нарядов отродясь не видела в своем гардеробе.

– Не знаю, я…

– Ох, что же ты такая стеснительная? – она кидает какую-то желтую кофту возле чемодана и, подхватив то самое платье, разворачивает передо мной, как красную ткань перед разъяренным быком. – Расслабься, подруга! Возьмешь, если надо, я не жадная. Только предупреди, чтобы я не искала шмотки по всей общаге.

– Х-хорошо, – отвечаю… заикаясь? Наверное, я просто не ожидала подобной реакции с ее стороны. И доброты. И одолжения. Все-таки внешность обманчива.

– Ты вообще откуда?

– Из России, а ты…

– Да ладно? – Сара смотрит удивленно, словно я с Марса свалилась. – Медведи, водка и мороз под ноль? – этот вопрос приводит в легкое недоумение. Под ноль еще цветочки, а вот под тридцать… Только потом до меня доходит, что блондинка имеет в виду градусы Фаренгейта, а не Цельсия*.

– Ну… медведей видела только в зоопарке, а водку совсем не пила. Говорят, гадость редкостная.

– Ну у тебя и скучная жизнь, ничего интересного!

Я ничего не отвечаю, в то время как Сара продолжает раскладывать в шкафу одежду, словно ничего не случилось. Наверное, она не поняла, что только что прочитала мои мысли. Жизнь до приезда в Великобританию была до невозможности однообразна. Может, здесь что-то изменится?

**Американцы и Англичане измеряют температуру на улице в Фаренгейтах, а не в Цельсиях. Именно это заставило Софью растеряться.*

– А ты сама откуда? – тем временем интересуюсь я.

– Из Нью-Йорка. От предков сбежала, лишь бы спокойно дали жить.

– Почему?

– Да потому что достали со своим контролем! Туда не ходи, сюда не ходи, с парнями не общайся. Что за монашество? – блондинка так активно жестикулирует, что чуть не задевает мое лицо блестящим топом. – А я хочу жить, весе-

литься, ходить по клубам, понимаешь? Какой нормальный человек откажется от тусовок? – вопрос риторический, и в ответе не нуждается.

«Наверное, я», – отвечаю мысленно.

О том, что у самой была точно такая же жизнь с такой же матерью, рассказывать не стала – Сара опять бы на смех подняла. И я понимаю, чем заслужила подобную реакцию.

Некоторые отпрыски в состоянии дать отпор родителям, доказывая, что могут самостоятельно принимать решения, а другие, как я, позволяют вмешиваться, учитывая лишь положительные стороны. Но в этом нет ничего такого, чему можно возмущаться.

Мама еще ни разу мне не навредила. Да, опекала, да, запрещала некоторые вещи. Но это пошло только на пользу. Мои одноклассники из кожи лезли, чтобы поступить хотя бы в местный вуз, а я укатила в Великобританию, куда попасть очень сложно в наше время, не имея денег и связей.

Сара не замечает перемены моего настроения. Что-то ищет в планшете, облаченном в розовый чехол с ушками, пока мы не слышим топот в коридоре. Резко смотрим друг на друга, когда в комнату несколько раз стучат и сразу же врываются, не дождавшись ответа…

Их человек пять-шесть. Только мальчики, вернее, взрослые парни – уж точно не первокурсники. Все примерно одного возраста, но рост разный. И цвет волос. И выражение лиц. Совсем непохожи друг на друга, но что-то их объеди-

няет.

– Привет, девчонки, – начинает, как я предполагаю, главарь – рыжеватый парень, не отрываясь от глаз Сары. – Вступайте в нашу общину?

Замечаю, как Сара чуть облизывает полные губы и тепло улыбается парню. Стреляет искренним голубым взглядом. В какой-то момент я завидую соседке. Потому что вместо того, чтобы сказать что-то подобное, наоборот, зажимаюсь, чуть ли не калачиком сворачиваюсь.

– В какую?

– Вот, смотрите. Тусовки, вечеринки, классные ребята. Приглашаем, – рыжик протягивает мне и Саре яркие буклеты. Какие-то фотографии с вечеринок, грамоты, описание, по которому сразу же пробегаюсь глазами.

«Учись. Веселись. Живи» – вот такой слоган попался на глаза, выведенный оранжевым шрифтом с белым контуром.

– Вообще-то мы не тусуемся с незнакомыми парнями, – категорично отвечает соседка, повергая меня в немой шок.

Еще совсем недавно эта девушка утверждала, что сбежала от родителей, лишь бы спокойно жить и веселиться на всю катушку. Пытаюсь уловить хотя бы долю сарказма на ее лице, однако Сара быстро встает с кровати и останавливается напротив рыжика.

– Еще будет время познакомиться, – кричит кто-то сзади. Какой-то блондинчик с мальчишеским голосом. И только в тот момент, когда он поворачивается ко мне, узнаю в незна-

комце того симпатичного парня, с которым столкнулась в коридоре. Кажется, его зовут…

– Джек вам все покажет.

Да, точно! Джек. Красивый, светловолосый парень с пронзительным взглядом. И я встретила его вновь. Он внезапно останавливается на моих глазах, смотря поверх голов высоких парней.

Сара о чем-то дискутирует с рыжиком, высказывая свою точку зрения, да и остальные подключаются к напряженной беседе. Кроме меня и блондинчика. Мы продолжаем изучать друг друга, словно видимся впервые.

Серо-голубой взгляд плавно проходится по моим волосам, собранным в небрежный пучок, спускается ниже к губам. Невольно облизываю их, замечая, как его глаза темнеют, искрятся каким-то нездоровым блеском. Он манит меня и пугает одновременно. Как-то странно. Внутри что-то начинает возвышаться, а затем падать.

Я резко разрываю зрительный контакт. Гляжу на покрывало, лишь бы больше не смотреть на Джека. Слишком напряженно. Слишком незнакомо. Волнительно. Невольно чувствую, как лицо начинает полыхать, настолько сильно он смутил меня. Впервые ощущаю взгляд красивого парня, да еще такой завораживающий, готовый проникнуть куда-то глубже внешней оболочки. В самую душу.

– Знаете, нам пора спать! – голос Сары неожиданно выводит меня из задумчивости.

Блондинка самым наглым образом чуть ли не пинками гонит парней, заставляя незваных гостей покинуть комнату. Парни оказываются не так глупы – тут же начинают выходить по одному. Кроме рыжего.

– Сейчас восемь вечера, – произносит он удивленно.

– Софи нужно завтра в универ.

– Так мы проводим. Вы же не против нашей компании?

– Ну… – девушка наигранно задумывается, – мы подумаем, – помедлив с ответом, Сара внезапно хлопает дверью прямо перед носом рыжего. Нагло и бесцеремонно.

Но на место смеха почему-то приходит испуг.

– А если он ушибся? – восклицаю я, встав с кровати.

– Обо что? Об косяк? Так нефиг границы переступать! Все с ним нормально, успокойся, иначе ныл бы, как телка несчастная во время восковой эпиляции.

Вместо того, чтобы возмутиться равнодушию соседки, я представляю описанную картину. Рыжий парнишка, на две головы выше Сары, который дал нам буклеты, лежит на столе и, стиснув зубы, переносит каждый рывок полоски. Все до мелочей. Покрасневшее лицо, навернувшиеся от боли слезы в уголках глаз. Вскрики раз за разом. А потом истеричный побег с места происшествия.

Мы с Сарой смотрим друг на друга и заливаемся громким смехом, обхватив животы. Со стороны, наверное, кажемся двумя сумасшедшими, но сейчас вряд ли кому-то из нас есть до этого дело.

Вот она – новая жизнь. Новые приключения, новые знакомства, новые эмоции. Меня многое ожидает впереди, и я жду этого многого.

Глава 3. Первокурсница

Понедельник. Ровно семь утра. Утренняя прохлада окутывает с головы до ног, несмотря на включенный обогреватель и мягкую постель, которая уже не хранит тепло. Всего восемнадцать градусов. Большее не позволяет коммуналка. Экономные англичане!

Дико пожалела, что выбрала кровать возле окна. Продувает жутко из-за сильного ветра снаружи, а старые окна не особо спасают. Вроде бы привыкла к подобному дома, но не настолько же. Зуб на зуб не попадает.

– Фак! Что за дерьмо? – возмущается Сара, выходя из ванной. – Я будто в прошлый век вернулась! В комнате дубак, в туалете дубак, а в раковине отдельно текут горячая и холодная вода! Хорошо, что в ванной додумались поставить смеситель! Хреновы англичане!

Сейчас я полностью разделяла претензии соседки. Именно с такими мыслями вышла из душа несколько минут назад. Отсутствие смесителя – это полбеды, руки можно и в холодной воде помыть, а вот утренний холод не исправишь.

Сегодня первый учебный день. Предметы на этот семестр выбраны, расписание мы получили пару дней назад, документы, которые так волновали маму, лежат в деканате. Интересно, какие преподаватели мне попадутся?

– Ты в этом собралась идти? – недовольно бросает Сара,

оценивающе оглядев меня с головы до ног, когда я начала собирать сумку.

– Ну да. А что?

– Выглядишь, как долбаная монашка, – надев деловое платье до середины бедра, подчеркивающее стройную фигуру, выносит вердикт соседка.

Что ей не понравилось на этот раз, можно только гадать. Скорее всего, дело в темных джинсах или в свободной блузке? Не знаю.

За время знакомства к придиркам новой соседки уже привыкла. Не всегда мне нравилась ее прямолинейность, но вряд ли я смогла бы что-то поделать, такой уж Сара человек. Обидно ли мне? В глубине души – да. Но стараюсь не принимать ее слова близко к сердцу. Знаю, что она хорошо ко мне относится.

– Надеть вот это платье. Будешь выглядеть в нем как конфетка, – девушка протягивает черно-белую материю. То самое, которое бедра едва прикрывает? Нет уж.

– Мы опоздаем на пары!

– Ну и иди в своем монашеском костюме! Всех парней я себе загребу! – блондинка довольно улыбается собственному отражению.

– Кажется, ты и так всех загребла, – напоминаю я про рыжего главаря студенческой общины по имени Гарри.

– Ой, нашла кого вспоминать. Он лузер! А мне нужен настоящий мужик.

– С чего ты так решила?

– А ты посмотри на него! Ни жопы, ни рожи! А еще, говорят, звезда университета. Ха! – ухмыляется соседка.

Что-то мне подсказывает, что вскоре эта оторва заговорит иначе, когда узнает Гарри получше. Вопрос в том, как скоро подпустит его ближе.

Утренний Лондон, как всегда, «радует» ветром и прохладой, пробравшейся под тонкую куртку. Зябко. К этому еще нужно привыкнуть, как и к тому, что англичане реагируют на такую погоду вполне нормально, расхаживая по улице в тонких рубашках.

И как они так могут? Я готова два свитера надеть, а им хоть бы хны! Соседка, видимо, с такими же мыслями шла, обнимая себя за плечи. Ей повезло меньше – оделась гораздо легче меня.

– Замерзла? – вопрос звучит совсем близко, и задает его вовсе не Сара. Вряд ли блондинка умеет разговаривать юношеским голосом.

Оборачиваюсь и вижу Джека…

Улыбается. Легкие искринки видны в светлых глазах. Волосы растрепаны и торчат в разные стороны, словно специально разлохматил. И ему нереально идет эта небрежность.

Парень быстро равняется с нами. Вышагивает по ветреным улицам в одной единственной футболке и легких джинсах, словно на дворе лето. И как ему не холодно?

– А ты волнуешься за нас? – чуть нагло спрашивает Сара.

– Просто интересуюсь. Вас проводить? – вопрос больше обращен ко мне, судя по взгляду.

Так странно ощущать на себе внимание совсем незнакомого парня. Какое-то новое чувство. Вроде хочется крикнуть, чтобы больше не смущал, а с другой стороны – ловить этот взгляд бесконечно.

– Думаешь, в метро заблудимся?

– Мало ли. Вдруг таких красавиц уведут.

Джек так лучезарно улыбается, одаривая неповторимой мимикой. Вновь смущает, заставляет кровь прилить к лицу.

Пожалуйста, Сара, не отталкивай его. Не хочу терять этот шанс побыть рядом с ним еще немного. Всего несколько минут. Сара, пожалуйста! А я схожу с тобой в торговый центр, буду восторгаться новыми нарядами. Пожалуйста! Пожалуйста!

Блондинка чуть глаза не закатывает, поняв мою немую мольбу, и в итоге произносит:

– Ну, пошли.

Облегченно выдыхаю. Слишком шумно, чтобы это осталось незамеченным, и, видимо, мою реакцию заметила только Сара, ибо Джек продолжает идти так же беззаботно и размеренно, не улавливая немого диалога между мной и блондинкой.

Молча доходим до станции, молча проезжаем пару остановок и молча идем по наполненным улицам до главного корпуса. Слишком тихо. Слишком напряженно.

Почему-то мне казалось, что я смогу преодолеть стеснительность и постараться хотя бы заговорить с парнем, но… все шло насмарку. Даже не смотрю в его сторону. Боюсь, что отвергнет, засмеет. Как в школе. Страхи прошлого даже здесь не дают покоя.

До одного момента.

– Почему ты молчишь, Софи? – спрашивает Джек, повернувшись ко мне. Опять смотрит на меня так внимательно, что спрятаться от его взгляда хочется, чуть ли не припаивает меня к земле.

– Меня зовут Софья.

– Софи звучит красивее. Ты не против?

– Н-нет, – ну вот, уже начинаю заикаться под этим взглядом.

Почему Софи? Не знаю. У англичан вроде есть такое имя и звучит красивее, чем Софья.

– Откуда ты?

– Из России. А ты?

– Из Ирландии, – отвечает Джек, оправдывая догадки. Как я поняла, что он не приезжий? Речь более четкая и размеренная, по сравнению с той же Сарой, которая говорит слишком быстро, прожевывая окончания. – Так ты живешь среди медведей?

Еще один. Почему Россия у всех ассоциируется с медведями? Других животных нет?

– Уже нет.

– Тяжело было уезжать из дома?

– Всем трудно покидать родные края, но я сама сделала выбор, – произношу куда-то вперед. Вспоминаю сжимающее чувство где-то в районе груди, когда прощалась с мамой в аэропорту. Да, нелегко мне дается разлука.

– Не жалеешь?

– А должна?

– Раз ты не укатила обратно в страну медведей, то вряд ли.

Никогда не разговаривала с парнями вот так открыто. Даже в школе порой заикалась, стреляя взглядом куда угодно, только не на предмет воздыхания. А нравится ли мне Джек? Не знаю. Он красивый, обаятельный, улыбается, как голливудская кинозвезда. И он первый, с кем я больше не стесняюсь общаться на равных. Как сейчас.

Так и проходят долгие минуты, которые я мысленно превратила в часы, пока мы не дошли до главного корпуса. Сара отстала от нас после выхода из метро. Медленно семенила где-то сзади, покуривая сигарету. Мы оборачивались лишь пару раз, чтобы не потерять блондинку, а когда она махнула рукой, мол, все в порядке, продолжали дальше разговаривать о своем.

Так я узнала, что Джек учится на третьем курсе и вскоре заканчивает обучение. Быстро. Не то, что мне восемь лет пахать, как проклятой, на медицинском факультете.

– Девчонки, в конце недели будет вечеринка для первачков. Приглашаю, – весело тараторит Джек. Мне кажется, или

парень слегка замялся? Нет, вряд ли.

Вокруг собралась огромная толпа студентов, когда мы подошли к главному входу в корпус. Кто-то курил, кто-то заливисто смеялся, и только мы втроем вели себя как истуканы, не в силах разорвать возникшее напряжение.

– Спасибо. Мы подумаем, – Сара осмеливается пойти на этот отчаянный поступок. А она быстро догнала нас. Хм…

– А ты придешь? – повернувшись ко мне, спрашивает Джек.

И вместо того, чтобы громко выкрикнуть заветное «ДА!» и прыгать от радости, что меня позвал такой красивый парень, я сомневаюсь в правильности выбора. С одной стороны, хочется впервые в жизни повеселиться, а с другой – преследует напутствующий образ матери с грозным видом и скалкой в руке. «Никаких вечеринок!» – крикнула бы она.

– Не знаю, наверное…

– Я буду ждать.

Замечаю, как его голос становится тише, но я все равно слышу даже самые тихие нотки, скрывающиеся за легкой, внезапно возникшей хрипотцой.

«Я буду ждать».

Джек разворачивается и направляется к своему корпусу, а я, как загипнотизированная, смотрю вслед парню. Тому, кто мне действительно нравится.

Наша симпатия взаимна, и от осознания этого факта в груди трепещет что-то ранее неизвестное, проснувшееся по-

сле долгой спячки. Это легкое тепло, окутывающее душу мягким бальзамом, это ожидание следующей встречи.

Я приду, Джек. Обязательно приду.

– Тебе понравился Адамсон, – Сара возвращает меня с небес на землю. На грешную землю, где смеются студенты, покуривающие сигарету, а прохладный ветер просачивается под куртку.

– Он милый.

– Сопливый немного, на бабу похож.

Я молчу. У каждой из нас свой взгляд на парней. В принципе, не удивлена подобной реакции – уже второго парня подряд Сара вывела из рядов красавчиков.

– Осторожнее с ним, – добавляет блондинка. – Говорят, он бабник.

– Разве?

– Да, да. Причем ужасный. Оприходует, и не заметишь, как развел на секс.

Вот теперь становится интересно. Оприходовать? Развести на секс? Это вообще связано как-то с Джеком? Он же не такой веселый, общительный и… Что я о нем знаю? Только место жительства, возраст и национальность. И еще то, что у него удивительно красивые глаза. Утонуть в них хочется. Все это никак не вяжется со словами Сары.

– Я не отдам невинность кому попало, – тут же протестую я.

– Не сомневаюсь. Но лучше сделай так, чтобы это произо-

шло не в потрепанном туалете дешевого клуба.

На мгновение представляю в голове эту картину. Свет софитов едва дает возможность разглядеть лица окружающих, шумная музыка закладывает уши. Вокруг весело и беззаботно. И только одна пара заперлась в кабине туалета для того, чтобы уединиться. Сверху лампочка приветливо мигает, перегорая, а через стенку шепчутся девчонки, не догадываясь, что происходит в паре метров от них.

Темно, грязно, отвратительно....

Нет! Не так представляла свой первый раз, да и последующие тоже. И вообще, каким нужно быть идиотом, чтобы не дотерпеть до дома и не заняться сексом там, раз так приспичило? Вот и я не знала.

Честно говоря, о девственности я мало задумывалась, но мне важно провести первую в жизни ночь с тем, кому можно довериться, к кому испытываешь чувства и желание оказаться вместе. Слиться в единое целое. Звучит слишком ванильно со стороны, правда? Скорее всего, так и есть.

Станет ли Джек моим первым мужчиной в свете недавних событий и слов Сары?

Не ответив на этот вопрос, я поспешила на пары.

Глава 4. Все случается впервые

Говорят, университетская жизнь самая запоминающаяся. Именно в этот период недавние дети-школьники становятся взрослыми, начинают самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. А главное – учиться жить.

В первую неделю учебы мы не только перезнакомились с одногруппниками и преподавателями, но и с курсом обучения. Первое занятие по каждому предмету начиналось с одной единственной фразы: «Забудьте обо всем, чему вас учили в школе». И перебегая по длинным коридорам с одной пары на другую, готовилась услышать одну и ту же фразу:

«Выбросьте школьные знания в мусорное ведро».

Но не только это поразило меня. Подход преподавателей к обучению тоже заставил задуматься. Либо ты учишься, либо становишься тунеядцем, если выражаться по-русски. В этом и проявляется самостоятельность.

Со мной же все наоборот. С одной стороны, я буквально стремилась к саморазвитию и успехам, а с другой… этому препятствовал строгий голос матери, которая ни за что не допустит постороннего вмешательства в учебу. Он все звучал и звучал в голове, напоминая о себе.

Я привыкла, что мама вмешивалась в мою жизнь, давала советы, говорила, как лучше поступить. А теперь никто не стоял над душой и не причитал. Необычно, если честно. Ды-

шать даже как-то спокойнее стало.

Этот вкус свободы испарился так же быстро, как и появился. Его пресекли на корню одним-единственным разговором.

– *Софа, как ты там?* – кричит мама, высветившись на экране телефона, слегка расплываясь. Да, этому девайсу сто лет в обед, но пока работает. Даже через треснутое посередине стекло вижу женщину, которая меня родила.

– *Все отлично. А у вас как? Как погода?*

– *Нормально-нормально,* – быстро тараторит в ответ. – *Ты не пропускаешь пары?*

– *Нет, конечно! Тут вообще так здорово, я столько предметов выбрала и…*

– *Зачем ты выбрала много предметов? В центре тебе же ясно дали понять, что нужно выбирать только самое необходимое!*

Если говорить откровенно, то выбрала я лишь четыре основных курса: органика, анатомия человека, латынь и биология. Взяла еще парочку дополнительных для общего представления, но вряд ли они оказались бы бесполезны в будущем.

– *Мам, они все нужны.*

– *Так, ладно*, – нервно выдыхает женщина. Скорее всего, махнув рукой, но этого мне увидеть не удается. – *Надеюсь, это ты быстро исправишь и работу поскорее найдешь. Не заставляй разочаровываться в тебе.*

Слова, сказанные с пренебрежительными нотками в голосе. Вновь не угодила, где-то просчиталась. Не учла. Порой во время таких разговоров я спрашивала себя: «Чем заслужила эту фразу?» Спустя время ответ приходил сам собой. И сейчас это не стало исключением, только времени потратила меньше.

Совсем забыла, что обещала устроиться на работу…

Знала ведь, что маме тяжело одной содержать меня, учитывая цену за проживание в общежитии и траты на продукты. Надо было подумать об этом, как только приехала сюда, а не через полторы недели.

Разговор с мамой знатно подпортил настроение. Именно он посеял в голове сомнение о предстоящей вечеринке. Стоит ли идти, раз у меня появилось неотложное дело? Ведь я могу поискать свободные вакансии и обзвонить компании, пока есть время. Если повезет, приступлю к работе уже вечером.

Но я не учла один важный фактор. Сару.

– Софи, ты же хотела начать новую жизнь, правильно? Правильно! Так начинай! Что ты прячешься, как черепаха в домике? Пора тусоваться! Хватит цепляться за свою девственность! – грубовато, но не без улыбки произносит соседка в тот же день, когда возвращается с занятий. Кстати, она теперь тоже называет меня Софи, как и другие однокурсники. Видимо, англичанам так удобнее.

– Эй, я не цепляюсь за свою девственность!

– А что ты делаешь? Сначала горела возможностью тусоваться, а теперь заднюю даешь? Так только ссыкухи делают!

Девушка активно жестикулирует, скидывая на кровать то одно платье, то другое. Будто вещи собирает в дальнюю поездку. Но все гораздо банальнее – долгий выбор наряда на предстоящую вечеринку.

– Знаешь, я все-таки лучше… – хочу сказать: «Останусь здесь», но Сара быстро перебивает меня красноречивым жестом.

– Заткнись и послушай меня! – соседка резко подходит ко мне и тычет пальцем в грудь. Больно, между прочим! – Ты хотела пойти на это сборище первачков! Так иди! Ну кто в пятницу устроит тебе собеседование и тут же примет с распростертыми объятьями? Только болваны и нищеброды! Свободное место сможешь поискать в выходные. Живи, Софи! Хватит идти на поводу у матери! У тебя своя голова на плечах!

И тут я задумалась. Соседка заставила меня усомниться всего на секунду, но эта самая секунда превратилась в минуту. Две. Три. Лишь одно имя, о котором успела позабыть за этот небольшой промежуток времени, заставило вернуться обратно к своим мечтам.

– Между прочим, Джек очень ждет твоего прихода, – добавляет Сара как бы невзначай.

– Правда?

– Именно. Не обламывай пацана.

Джек. Я обещала, что приду. Самой себе обещала. В последнюю нашу встречу он посмотрел мне в глаза с такой надеждой, будто другой возможности не представится. А мне так хочется провести хоть немного времени с этим красавчиком.

– Но мне пойти не в чем.

– Не ссы, подруга, сейчас найдем! – пропевает Сара, вкушая аромат победы, и тут же принимается искать на кровати что-то очень важное, судя по скорости летящей в разные стороны одежды. – Померь вот это, – выудив из большой кучи что-то блестящее, блондинка тут же подбегает ко мне.

– Оно слишком короткое, – чуть морщу нос, завидев в отражении рыжую девчонку в том самом серебристом платье, на которое положила глаз в первый день знакомства с соседкой.

На самом деле оно красивое, миниатюрное и просто невероятное, но длина кое-как прикрывает попу.

– В твоем гардеробе одно дерьмо! Так что мерь это!

Я хотела возмутиться, но Сара чуть ли не пнула меня переодеваться. В конце концов, это нужно мне, а не ей. Наверное, я бы смогла подыскать что-нибудь у себя в «дерьме». На крайний случай надела бы джинсы и футболку.

Однако мое мнение кардинально изменилось, когда я надела платье и взглянула на собственное отражение…

Платье идеально подчеркивает фигуру. Не сливается с бледной кожей, как обычно, а наоборот – делает ее ярче. Ры-

жие волосы смотрятся контрастно на общем фоне, ноги кажутся длиннее, а грудь… Матерь божья! Не думала, что она может так соблазнительно выглядывать из выреза.

– Вот! То, что надо! – восклицает соседка, радостно хлопая в ладоши. – Оно отлично подчеркивает твои сиськи!

– Сара!

– А что? Детка, нельзя скрывать третий размер под мешковатой хренью! Это преступление!

Возможно, она права. Я не стала спорить с Сарой – себе дороже. Хоть в платье жутко неудобно, со временем привыкла к колючей ткани. Но самое страшное ожидало впереди – макияж.

Я просидела почти полтора часа, пока Сара красила мое лицо. Сколько возмущений услышала в свой адрес о чересчур бледной коже и о том, как трудно подобрать под нее тональник. Но с этой задачей блондинка быстро справилась.

И я ни капли не пожалела о том, что доверилась рукам модной блондинки.

В отражении на меня смотрит незнакомка с красивыми завитками рыжих волос, с красными полными губами и выразительными стрелками, подчеркивающими зеленые глаза. Они кажутся ярче, четче. Они притягивают внимание, словно магнитом.

– Боже, Сара ты лучшая! – я быстро вскакиваю с кровати и крепко обнимаю блондинку.

– Ой, только не затопи меня! Перекрашивать не буду!

Из глаз текут слезы радости, которые невозможно остановить. Эмоции бьют через край. Наверняка каждая девушка мечтает хоть на секунду перевоплотиться в икону стиля. И я чувствую себя таковой. Те комплексы, которые преследовали в школе, исчезли в один миг, как только Сара засунула свой маленький нос с небольшой горбинкой куда не нужно. Или нужно?

– Ну что, красотка, пошли зажигать!

Пока я любовалась собой в зеркале, она успела переодеться, накраситься и уложить волосы. Вот это скорость. Девушка уже обулась и нашла мне подходящую пару обуви – благо размер одинаковый. И тут началось…

Теперь я понимаю, от чего происходят всемирные катастрофы – от неумения ходить на каблуках.

– Не парься, сейчас привыкнешь!

«Нет, не привыкну», – хочется ответить девушке. Потому что впервые в жизни надеваю настолько высокие и неудобные туфли. Да, красивые, блестящие и идеально подходят к моему наряду, но в них и шаг невозможно сделать!

Но Сара вновь оказалась права. Я привыкла. Со временем, правда, и при передвижении маленькими неуверенными шагами, но привыкла.

Глава 5. Наверное, это и есть любовь

Через двадцать минут мы – две красивые девчонки в коротких платьях и на высоких каблуках – попали в дом общины. Если быть точнее, поднялись этажом выше, где располагался блок парней, потому что собственный дом они снять не успели.

Музыка непривычно бьет по ушам, полумрак и свет блестящей лампы создают свою собственную атмосферу веселья и беззаботности. Как же здесь много людей! Удивительно, что все поместились в маленькой гостиной. Интересно, как они уговорили коменданта на эту авантюру? Здесь же неделю придется убирать после такой вечеринки!

– Пошли туда! – Сара тянет меня к импровизированному бару на кухне (как я поняла потом), где сидят уже знакомые ребята из общины.

Почти полным составом собрались. Вот Гарри сидит во главе, рядом два парня-близнеца, имена которых не знаю, а за ним стоит Колин, обнимая какую-то шатенку. И удивляет меня совсем не сбор парней.

Этот Колин чуть ли не раздевает девушку у всех на глазах!

Разговаривает с парнями и одновременно шарит руками под платьем бедной шатенки, но никто, кроме меня, не об-

ращает на это внимания. Уму непостижимо! Как так можно? Сама шатенка покраснела от действий своего кавалера. От стеснения или от…

– Привет, ребята, – заставив меня оторваться от странной парочки, Сара кокетливо здоровается с парнями, присаживаясь на высокий стул. – Не угостите красивых девушек коктейлем?

Разговоры тут же смолкают, а множество пар глаз устремляются на нас с соседкой. Если бы не громкая музыка, то напряженная тишина наполнила бы кухню и не выпускала из своего плена.

Парни не без любопытства осматривают пожирающим взглядом сначала Сару, а затем меня. И задерживаются именно на моей персоне. Рассматривают так внимательно, как экспонат в музее, словно видят впервые. Неужели не узнали? Сара настолько сильно переборщила с перевоплощением из скромницы в роковую особу, что теперь никто не видит во мне ту самую Софи – неприглядную рыженькую из комнаты 3D? Не знаю, радоваться или плакать.

– Ух ты, какая рыжуля красивая! – восклицает Колин, моментально отвлекшись от своей спутницы.

– Сара, не познакомишь со своей новой подружкой? Мы вас развеселим, – подхватывает один из близнецов.

Я совсем теряюсь, когда парни разражаются легкими смешками. Они издеваются?

– Смотрю, здесь собрались одни похотливые самцы, – за-

мечает Сара. Всеми силами хочу уйти прочь от странной компании основателей братства. Но эта мысль быстро улетучивается, как только я слышу…

– Ты прав, Колин, рыжуля то, что надо, – знакомый мальчишеский голос, заставивший замереть на месте, раздается где-то сзади. Совсем близко. Окутывая меня невероятной пеленой волнения.

Боюсь повернуться, чувствуя его взгляд. Завораживающий, прожигающий насквозь. Это Джек. Чувствую его кожей, словно прикасается ко мне длинными пальцами, а не рассматривает от макушки до щиколоток, как парни.

– Не хочешь затусить со мной? Тебе будет хорошо! – второй близнец тут же материализуется рядом со мной.

Пахнет от него чем-то странным. Спиртом, смешанным с гарью. Сигаретами, наверное. А сзади ощущается мужской парфюм с нотками ментола. Сама не понимаю, как оказываюсь зажата между двух стенок, одна из которых настойчиво пристает ко мне, а другая – не реагирует вовсе.

– Пошли танцевать, Софи. Зачем нам эти идиоты? – Сара тут же вытягивает меня из непонятного бутерброда на танцплощадку под ошарашенными взглядами ребят.

Перед тем как исчезнуть в толпе первокурсников, поворачиваю голову в сторону Джека, стараясь разглядеть его хотя бы мельком. Свободная рубашка, расстегнутая на пару пуговиц, растрепанные светлые волосы. И взгляд…

В полумраке он не кажется темным, скорее является

фонарем, освещающим дорогу заблудившемуся путнику. И сейчас Джек помогает найти эту самую дорогу мне, рассматривая меня не то с любопытством, не то с недоумением.

Не ожидал увидеть меня… такой. В непривычной одежде и с дерзким макияжем.

Словно я не я…

Никогда не чувствовала себя столь свободной. Моя первая вечеринка. Это первый раз, когда я провожу вечер не за учебниками, а в компании приятных людей. Вместо того чтобы заучивать формулы, извиваюсь в ритме клубной музыки. Вот оно – счастье, вот она – свобода.

– Свобода! – кричу что есть мочи, но меня почти никто не слышит. И плевать!

Мама все время твердила, что веселиться на дискотеках плохо, а подобные места заставляют человека деградировать и тупеть. И я впервые готова противоречить ее словам.

Сара танцует неподалеку, одаривая парней красивой улыбкой. Со стороны она ведет себя неприступно, пока вниманием отвязной блондинки не завладевает какой-то парень. Высокий, светловолосый, чем-то похожий на нее саму. Но конец их беседы я не вижу, даже не замечая, как соседка исчезает из поля зрения.

Как это пропала? Куда она делась? Сара не могла оставить меня одну в логове странных парней. Пытаюсь среди множества длинноволосых блондинок найти знакомое лицо, но натыкаюсь на другое. На Джека…

Кажется, он не отводил от меня своих глаз с момента встречи. Пока я наслаждалась незнакомым и таким приятным ощущением, периодически пыталась найти глазами светловолосого парня, завладевшего моим разумом. И нашла. Внезапно и слишком быстро для осознания.

Джек не переставал рассматривать меня. Следил за каждым движением, за каждым изгибом моего тела. Необычное чувство, когда ты привлекаешь внимание окружающих. Не просто других студентов, а того единственного, который тебе небезразличен.

В мгновение ока парень оказывается возле меня. Так близко, что можно протянуть руку и потрогать его лицо. Никогда не стояла с парнями на таком крохотном расстоянии, что можно почувствовать дыхание на своей коже. Ох, как же это классно!

– Потанцуешь со мной? – он протягивает мне руку. Такую большую, с длинными пальцами.

Моя ладонь тонет в его как раз в тот момент, когда начинает играть медленная песня. Джек быстрым движением обнимает меня за талию и притягивает к себе. И становится так тепло, что отпускать его больше не хочется. Совсем.

Никогда не танцевала медленный танец. Временами, когда лежала ночью в темноте, горюя оттого, что мама не пустила меня на школьную дискотеку, представляла в голове, как меня будет обнимать какой-нибудь красавец. И когда эта мечта воплотилась в явь, в груди возник нарастающий тре-

пет. Словно бабочки в животе, которых так искусно описывали в любовных романах, – чистая правда.

– Ты очень красивая, – шепчет Джек на ухо, щекоча своим дыханием.

– Спасибо.

Опять смущаюсь. Черт! На меня смотрит красивый парень, улыбается, скорее всего, а я веду себя как наивная школьница! Почему я не могу смело взглянуть на парня, который мне так нравится? Прячусь от него. И от самой себя… Дура!

Джек так крепко держит меня в своих руках, качаясь из стороны в сторону. И я не хочу избавляться от теплых объятий, разносящих в каждую клеточку тела легкие покалывания.

– Ты прости их, – кричит Джек сквозь громкую музыку. – Никто не ожидал, что такая скромница превратится в сногсшибательную красотку.

– Значит, я сногсшибательна?

В этот момент внутри меня что-то усиливается. Адреналин или какое-то другое чувство. Оно заставляет меня поднять глаза на Джека и… утонуть.

Потому что таких эмоций на лице человека я никогда не видела… даже в кино…

– Не то слово.

Весь танец мы стоим так близко друг к другу. Чувствую себя такой счастливой и окрыленной. Джек словно вселил

в меня светлый лучик, отвечающий за счастье. В прошлом он редко подавал сигналы, а сейчас горел ярким огоньком. Пока…

– Шухер! Комenda вернулась! – кричит кто-то в толпе.

Волшебный момент, когда мы смотрели с Джеком только друг на друга, не замечая никого вокруг, безвозвратно испорчен. Он разрушился в один миг, когда всеобщая радость превратилась в хаос.

– Это что еще за нахрен? – грубый женский голос миссис Робинсон, словно сирена, раздается на весь этаж. Он слышен громче музыки, которая через некоторое время и вовсе обрубается.

– Побежали! – Джек резко тянет меня к выходу.

Все произошло так быстро: волшебный момент, ядерное наступление и побег с тонущего корабля. Почему мы оставили других ребят? Почему не помогли? Да и вообще, зачем нам убегать? Сара сказала, что Гарри договорился с комендантом по поводу вечеринки.

Или нет?

Черт! Нас бы замели как соучастников и могли … исключить из университета! Если миссис Робинсон заметит меня и занесет в список, не видать мне обучения, как собственных ушей! Никогда больше не буду ходить на эти запретные сборища! Никогда!

Кое-как мы прошмыгнули мимо коменданта, слившись с толпой. Похоже, женщина даже не заметила меня. Фух! Но

радоваться я стала слишком рано. Во время побега чуть не растянулась прямо на лестнице, быстро перебирая ногами по ступенькам. Да, на высоких каблуках марафон не выиграешь. Так и хочется скинуть эти туфли и идти босиком, но в таком случае Сара меня точно убьет.

Вечерний ветер тут же ударяет в лицо, как только мы выбегаем на улицу. Холодно. Хотя это не удивительно, когда на тебе одно платье да туфли. Больше мы не бежим, останавливаемся недалеко от черного входа. И берем передышку. Вбираем свежий воздух глубоко, насколько хватает сил и легких.

– Не хочешь прогуляться, пока наверху не разобрались? Тут рядом есть небольшой сквер, – блондин заставляет поднять на него взгляд.

В ответ следуют кивок и легкая улыбка. Я не в силах даже слово произнести. Дыхание никак не желает восстанавливаться, а ноги ужасно гудят, но я продолжаю медленно идти за Джеком. Наверное, ни за что бы не согласилась куда-то уходить, если бы не знала, что этот самый сквер располагается в двух шагах.

Мы с Сарой тут уже гуляли при свете дня, но не вечером, когда ветер пробирается под платье, заставляя вздрагивать от холода. И на кой черт я не забежала в комнату и не переоделась? Дура! Не мерзла бы сейчас!

– Возьми, – Джек протягивает мне рубашку, оставшись в одной майке.

– Ты совсем замерзнешь! Не надо! – я тут же начинаю про-

тестовать, только меня никто не слушает.

Одним движением Джек накидывает на меня легкую ткань, скользящую по коже. Она мало спасает от холода, но теперь, вместо того чтобы дрожать, я наслаждаюсь древесным ароматом. Сладковатый. Дыхание опять становится рваным, только не из-за быстрого бега, а из-за его одеколона. А еще из-за горячих рук, которые путами обвивают мое прохладное тело.

Вечер. Улицы озаряет лишь яркий свет фонарей. И мы с Джеком вдвоем в полной тишине. Идем прижавшись друг к другу. Бок о бок. Он – горячий, как батарея, и я – холодная, как айсберг. Как он не мерзнет под таким ветром – загадка. Но, вопреки плохой погоде, иду рядом с Джеком и улыбаюсь. Как счастливая дурочка.

Самый красивый парень пригласил меня на танец, спас от коменданта и сейчас спасает от холода! Мамочки, как же мне повезло!

– Почему мы убежали? – прерываю затянувшееся, но совсем не напряженное молчание.

– Чтобы нас не замели. Из-за этой вечеринки могут выговор в личное дело занести и выселить из общежития. Не делай такое лицо! – тут же восклицает Джек. А какое лицо я сделала? Наверное, то самое, когда брови от возмущения сведены. А все из-за возможности лишиться моей мечты. – Гарри во всем разберется, так что можешь не волноваться.

– У него не возникнет проблем?

– Его отец – один из деканов на экономике, так что проблемы ему точно не светят, – парень очаровательно улыбается. И даже вечером улыбка сверкает. Он точно смазал зубы жемчугом!

– Значит, вечеринки вне закона?

– Никто не будет запрещать студентам веселиться, особенно миссис Робинсон. Видимо, кто-то из первачков нарушил правила.

– А их много?

– Не особо, – отмахивается парень.

– Расскажешь?

Джек смотрит странно, словно я только что сморозила какую-то глупость. Черт! Опять сделала что-то не так…

– Мне кажется, ты не сможешь нарушить ни одно из них.

– Почему?

– Потому что такая милая красотка не может пойти против системы.

Этот блондин вновь меня смутил. Стоит нам встретиться взглядом, я совсем потеряюсь. Утону. Растаю. Стеснение возьмет надо мной верх, заставит отступить назад, выдумать какую-нибудь несуществующую причину расстаться. А я этого не хочу. Совсем.

И Джек, видимо, понял это…

Мы останавливаемся у одного из фонарей. Яркий свет позволяет разглядеть прекрасное лицо блондина. Красивое, слегка мальчишеское, но с ровной кожей, без единого изъя-

на. Пухлые, четко очерченные губы так и манят. Кажется, я смотрю только на них. Не на светлые брови, не на торчащие в разные стороны волосы с легкой рыжинкой, не в глаза, которые заставляют лишиться опоры под ногами.

Только на губы….

Невольно облизываю свои, ощущая, как они налились жаром. Обстановка между нами накалена до предела. Джек стоит слишком близко. Слишком запретно. Ближе, чем во время медленного танца. Кожей чувствую его кожу, глазами его глаза.

Губами его губы…

Недавняя прохлада, от которой зуб на зуб не попадает, пропала, уступая место нарастающему теплу. Приятному и сладкому, как и его губы.

Джек легко прикасается ко мне, не делая каких-то поспешных движений. Останавливается. Затем проводит кончиком языка по моим губам. Сначала по верхней, затем по нижней.

И в этот момент я окончательно пропадаю…

Мы притягиваемся как можно ближе, желая почувствовать тепло друг друга. А губы… вытворяют что-то невообразимое. Я совсем не умею целоваться. Стараюсь отвечать, но чувствую, что в этой борьбе побеждает блондин. Мой блондин, который присвоил меня себе, который подчинил волю одним поцелуем.

Раньше я думала, что бабочки в животе – фантазия писа-

телей. Но это не так. Внизу что-то сладко плещется, разливается от низа живота в каждую клеточку организма. До самых кончиков волос.

И это самое что-то – невообразимое счастье…

Глава 6. Идеальное утро.

– Софи, не уходи, – шепот, опаляющий кожу где-то в районе шеи, внезапно разрывает шум быстрых дыханий. Меня и этого сумасшедшего парня, который не желает отпускать меня ни на секунду.

Сильные руки легко скользят по моей коже, четко различая границы, губы нестерпимо ласкают друг друга, наши дыхания сплетаются в единое целое. Мы дышим одним воздухом и не можем остановиться. Не чувствуем, когда начинаем задыхаться.

Эти непередаваемые эмоции испытываю впервые в жизни. Холод борется с обжигающим пламенем, разум с чувствами, а действия с желаниями. Непередаваемо. Головокружительно. Ново.

– Не уйду, – шепчу в ответ, накрыв пухлые губы своими.

Мы целуемся без остановки, так сильно тянемся друг к другу, не в силах перестать. Хочется все больше и больше погрязнуть в этом небытие, где есть только мы вдвоем, только наши согревающие прикосновения.

Только наши жаркие поцелуи…

Редкое солнце, которое почему-то именно сегодня выглядывает из пелены облаков, слепит глаза. Зря перед сном не задвинула шторку. Но вряд ли я думала об этом вчера, перед тем как закрыть глаза. Мои мысли были заняты совершенно

другим.

Губы до сих пор пылают, даже дотрагиваться больно. Но это стоило тех эмоций, которые захлестнули нас с Джеком. Мы просто сходили с ума. Казалось, что этого поцелуя ждала не только я, но и он.

Помню его очаровательный светлый взгляд, его прикосновения. Его поцелуи, которые лишили меня рассудка. Слишком долго мы стояли на холоде, слишком долго наслаждались губами друг друга. И это не осталось без последствий.

Встать с кровати получилось только с четвертой или пятой попытки. Кашель, сопли и, словно налитая свинцом, тяжелая голова. Вчерашняя прогулка оставила не только воспоминания, но и легкую простуду. Так и знала, что заболею под таким ветром, гуляя в одном платье Сары.

Так, стоп, а где сама Сара?

Тут же поворачиваюсь к ее кровати, чувствуя легкое головокружение от резкого движения. Ее постель так и осталась нетронута. Не вернулась после вечеринки? Неужели ее замела миссис Робинсон вместе с Гарри?

Вчера я совсем не заметила, как она исчезла из поля зрения. Только недавно вместе собирались на первую вечеринку, танцевали и веселились, а теперь… Чувство вины накрывает с головой. Как я могла ее упустить? Вдруг к ней пристал какой-нибудь маньяк, а я убежала вместе с Джеком, как ошпаренная, оставив подругу в полном одиночестве? Дура! Разве друзья так поступают? Не знаю. У меня никогда не бы-

ло друзей…

Но через несколько секунд навязчивое оцепенение, поглощающее медленно и мучительно, мигом испаряется.

Громкий стук двери о стену заставляет неожиданно подскочить на кровати. Девушка, смутно напоминающую Сару, неслабо удивляет. Чуть челюсть на пол не роняю, когда в лохматой блондинке с размазанной вокруг рта алой помадой я узнаю свою соседку. Непрезентабельный вид – слишком мягкое словосочетание.

– Я самая счастливая, детка! – кричит подруга на всю комнату, вытягивая руки вперед, и… тут же подбегает ко мне! Вашу ж…

Спастись от крепких объятий подруги мне не удается – Сара не оставляет мне выбора.

– Стой! Задушишь! – предпринимаю жалкие попытки освободиться. – Ты себя в зеркало видела?

Фух! Теперь могу спокойно дышать. Блондинка чуть отстраняется, смотря на меня испуганно, и тут же подбегает к зеркалу. Внимательно рассматривает себя: потекший макияж, опухшие глаза, чуть порванное платье и стрелку на чулках. Видок – то что надо.

– Насрать! – вновь выкрикивает она. – Эта ночь была лучшей в моей жизни!

И здесь наши мысли совпадают. Не одна я вспоминала минувший день с благоговением в душе.

– Софи, ты не представляешь, какой у меня был секс! Так

меня еще никто не трахал, – пропевает она, плюхнувшись рядом со мной на кровать. – Он знает такие позы, которые даже в камасутре не описаны! А какой у него член! Твердый и…

– Избавь меня от подробностей, – перебиваю блондинку.

– Ну ты и сучка! Я тут душу изливаю, а ты…

И тут ее лицо меняется. Улыбка из счастливой превращается в игриво-хитрую, а взгляд тут же начинает внимательно скользить по мне. Я будто под микроскопом нахожусь. Хочется спрятаться под одеялом и не вылезать оттуда, пока Сара не прекратит свои истязания.

Понимаю, что не отделаюсь. Понимаю, что долгие восхищения по поводу «шикарного секса» больше не услышу. Потому что в этот самый момент блондинка переключилась на меня.

– Не смей прятаться! – практически приказ, прозвучавший диктаторским голосом, но я уже чувствую, что от правды не увильну. – У тебя глаза горят, как чертово адское пламя. Или что там наши писатели калякают? А, насрать! Что, с Адамсоном вчера сосалась?

– Сара! Ну какое сосалась?

– Не увиливай! Вы целовались, да?

– Да, – опять смущаюсь. Щеки горят при воспоминании о поцелуе, а губы требуют продолжения.

– А сексом занимались?

– Сара!

– Так, понятно – не дошли до этого шага, – девушка машет рукой. – И правильно! Спешить не надо. Как все прошло?

– Охренительно!

Ох, Сара, ты бы знала, как мне было хорошо тогда. Как воспоминания сладкого поцелуя, в котором мы слились с Джеком, не хотели вылетать из головы. До сих пор кадры из недавнего прошлого мелькали раз за разом. То в замедленной съемке, то в ускоренной.

Прикосновение его нежных, немного потрескавшихся губ, плавное сплетение наших языков в нежном танце, его ладонь на моем затылке, чуть прикрытые глаза цвета российского льда. Даже при одном воспоминании об этом моменте бросает в дрожь. Мы не могли остановиться, целовались несколько часов напролет. Сначала на улице, потом возле двери в нашу комнату.

И не хотели останавливаться на достигнутом…

– Красава! Надеюсь, ты не позволила лишнего?

– Это как?

– Он за задницу тебя не хватал?

И тут я долго пытаюсь вспомнить, нарушал ли Джек границы дозволенного. Опускались ли горячие ладони ниже поясницы, трогали ли грудь, которая непроизвольно терлась о его тело. И не могу вспомнить, вылетело из памяти. Но подруге отвечаю:

– Нет.

– Умничка! – довольно высказывается Сара. – Мой тебе

совет: никогда не позволяй парням лишнего, это может плохо закончиться, особенно с таким, как Джек, – полностью развалившись на моей кровати, заключает подруга.

– Почему?

– Я же говорила, он – бабник.

Об этом я тоже успела подумать. Нет. Вру самой себе. Глупая сплетня напрочь вылетела из головы. Тем более в тот вечер, когда он прожигал меня взглядом на танцполе, я не могла даже подумать о его распущенности.

Только не Джек.

Только не парень, который был так нежен со мной, так внимателен. А наш поцелуй просто снес крышу. Нет! Все это сплетни. Испорченный телефон. Сарафанное радио. Можно как угодно назвать, но Джек не бабник!

– Проснись, подруга! – Сара щелкает пару раз перед лицом, возвращая меня в реальность.

– Джек не бабник! – уверенно говорю я, смотря в глаза подруги. Поверила ли она? Вряд ли. Такие реалисты, как Сара, опираются только на проверенные факты. Тогда почему она твердит, что Джек бабник?

– Лады, пусть будет по-твоему. Но не позволяй ему насадить тебя на кукан раньше времени. Парни только этого и ждут, чтобы поскорее залезть в трусики и побаловаться пальчиками, – Сара наглядно показывает пример на своей руке. Хорошо, хоть под платье не полезла – она и это сможет. – А потом хоп, и след простыл. Так что будь осторожнее!

Слова соседки заставили всерьез задуматься об отношении к Джеку. Они просто перевернули всю эйфорию с ног на голову. Все чувства, все эмоции и послевкусие вчерашнего вечера. Все забылось, оставив за собой лишь размышления на тему будущих отношений.

Если честно, я даже не знаю, что между нами происходит. Между мной и Джеком. Считаемся ли мы официально парой, или же это дикий порыв, от которого парень может со временем отказаться? В это верилось с трудом – его прикосновения и его губы убедили в обратном.

Это мои первые отношения и… я в них ни черта не смыслила. Не знала о каких-то потайных знаках, о намеках, о языке жестов. В прошлом это было лишним, а сейчас – необходимым.

И теперь я могла опираться только на одного человека – на Сару.

Во взаимоотношениях между парнями и девушками моя безумная соседка являлась кем-то наподобие гуру, которая знала обо всем и вся. Только она могла дать дельный совет. Несмотря на слухи, в которые я не верила, из всего этого сделала один-единственный вывод.

Вряд ли мы сможем просто так забыть тот поцелуй и притвориться, что ничего не произошло.

Мы же нравимся друг другу! Определенно нравимся. Наша симпатия взаимна. Я с ума вчера сходила от нашей близости, да и Джек тоже.

Пока я думала о нас с красавчиком-блондином, Сара сомкнула глаза и уснула. Но быстро подскочила, когда в комнату постучались.

– Какой мудак приперся в такую рань? – причитает девушка, открывая дверь с недовольным лицом. И оно не меняется, когда к нам заглядывает рыжий главарь общины.

– Привет, девчонки! – здоровается с нами Гарри. Мы встречаемся взглядами лишь мельком, киваем друг другу в знак приветствия, но затем внимание парня сосредотачивается исключительно на соседке, которая продолжает недовольно разглядывать его с головы до ног. – Сара, ты забыла свою заколку у нас, – он протягивает что-то маленькое и блестящее.

– Спасибо, очень мило, – блондинка тут же забирает вещицу с его ладони. – Что-то еще?

– Ну, да, – тянет парень. Переступает с ноги на ногу, глаза в разные стороны стреляют, руки мнет. И медлит. Под таким взглядом, коим на него смотрит Сара, невозможно мыслить здраво. – Мы сегодня вечером собираемся небольшой компанией. Присоединитесь?

– Мы подумаем!

– Буду рад видеть тебя.

– Не надейся, Питерсон! Я на твои уловки не поведусь!

В этот момент мне становится жалко Гарри. Я вижу, как он смотрит на Сару, чуть ли не облизывается, а она в упор не замечает. Или не хочет замечать? Хотя, судя по сегодняш-

ним восхищениям, адресованным другому парню, вряд ли блондинка взглянет в сторону рыжего главаря.

– И чем тебе не нравится Гарри? – спрашиваю я, когда за Гарри закрывается дверь.

– Я же говорила, он лузер! Даже сейчас быстро убежал, когда его отшили! Слабак! О, кстати, я так тебе и не рассказала о Патрике. В общем, он такой…

Как оказалось, этот самый Патрик – студент последнего курса с медфака. Ему двадцать пять. Красив, обаятелен и неприлично богат. По крайней мере, со слов соседки. Я не могу не радоваться за нее, но мои мысли сейчас находятся далеко за пределами монолога подруги. За пределами этой комнаты.

Там, где еще вчера я впервые поцеловалась с самым красивым парнем…

Кажется, началась новая жизнь. Стартовала буквально вчера, когда пошла против завета мамы и поцеловалась с парнем. Жалею ли? Ни капли. Ведь за пределами всевозможных запретов скрывается эмоциональный всплеск, который не дает покоя до сих пор.

Впереди меня ждут новые открытия. Я расширю собственные границы, совершу что-то невероятное. То, чего раньше боялась или опасалась. И сейчас готова посмотреть страхам в лицо, окунуться с головой в эту неповторимую жизнь.

Вчера я сделала первый шаг. Мне предстоит сделать еще

множество. Но будут ли они правильны?

Глава 7. Расширяя границы.

Спустя полтора месяца.

Пятница. Вечер. Последняя лекция. Минуты растянулись, превращаясь в долгие часы. Многие одногруппники и ребята с потока готовы уснуть на месте, плюхнувшись лицом в конспект, и я в том числе. Так хочется завалиться на мягкую кровать, закрыть глаза и проснуться по зову организма, а не по сигналу будильника. Но это лишь мечты, а мне необходимо отсидеть эту лекцию, отработать часы в кафе и сделать домашнее задание.

Задавали много, требовали тоже много, но я сама на это подписалась. Знала, на что шла, когда решила учиться в Великобритании. Зато у меня будет одно из лучших образований в мире – нужно лишь доучиться, а это тот еще квест. Некоторые студенты готовы забрать документы после таких нагрузок.

Большая часть моей группы сами просили деканов перевести на другой факультет. А все после посещения морга. Не выдержали, бедолаги. Не понимают, насколько интересно изучать внутренности человека и разбирать, как устроен организм. Это моя стихия, в которой чувствую себя как рыба в воде, и покидать родное пристанище не собираюсь ни при каких условиях.

За эти почти два месяца я потихоньку свыклась с мента-

литетом страны. С привычками, с манерой общения. Хотя нет, не совсем. Утренняя прохлада комнаты ужасно раздражает, а на улицу приходится надевать по два свитера, если за окном дует сильный ветер. Но местные жители спокойно расхаживают в легкой ветровке нараспашку.

Тот же Джек. После нашего поцелуя он ходил здоровый как бык, когда я неделю не могла расстаться с носовыми платками.

В такие моменты я скучала по дому, по родной батарее, которая согревала лучше любых приборов, скучала по снегу, который уже выпал в России и тут же растаял. Скучала по маме. Это нормально – тосковать по родному дому, несмотря на прекрасную жизнь.

С мамой созванивались строго по расписанию – раз в неделю, потому что остальное время она работала, а я была загружена заданиями и курсовыми. Мы общались недолго, минут десять-пятнадцать. В основном мама спрашивала об учебе, о жизни и хватает ли мне денег. Но в один из таких еженедельных разговоров я осмелилась на невозможное.

Рассказала о Джеке…

Морально готовилась выслушать лекцию о парнях-насильниках, о вечеринках и алкоголе, которые мешают учиться. Так и произошло. Первые минуты даже через битый экран телефона наблюдала за маминым покрасневшим от возмущения лицом. И что я сделала потом?

Промолчала.

Что мне ответить на ее слова? Как объяснить, что мне по-настоящему понравился парень? Как донести, что отношения никак не повлияют на мою учебу? Вот и я не знала, поэтому просто подождала, когда закончится эмоциональный порыв, и переключилась на тему обучения.

В этот раз причитаний от нее больше не слышала. Потому что не за что. Учусь хорошо, все задания выполняю вовремя, да и на работе дела идут отлично. Платят исправно и много по российским меркам. Устаю, конечно, но мне нравится эта жизнь. Нравится вставать каждый день на учебу, проводить время за работой в кафе и встречаться со знакомыми из университета.

Нравится возвращаться в общежитие и вместо крепкого сна крепко-крепко прижиматься всем телом к своему парню…

Мы встречались либо у Джека комнате, либо у меня, пока Сара гуляла со своим ухажером. И это время казалось самым волшебным на свете. Вопреки усталости и сонливости (Джек тоже работал допоздна в компании своего дяди), мы виделись каждый день, обнимались, лежа в кровати. И целовались. Безумно долго. Нежно и пылко, либо горячо и страстно. Как только он умеет. Ласкает одними губами и языком так чувственно, что я готова окунуться с головой в него. И тонуть, тонуть…

О том, как он увидел во мне привлекательную девушку, я больше не задумывалась, да и в слухи о Джеке-бабнике не

верила. Мой блондинчик оказался очень внимательным, заботливым и ласковым. Он с пониманием относился к трепетному выполнению заданий, к посещению всех пар, включая лекции, и работе, с которой приходила дико уставшей. И таким его видела не только я.

Гарри все время причитал, что я отняла у него друга, а в университете быстро распространился слух о наших отношениях. Но разве мне было до этого дело? Нет. На косые взгляды девушек я не обращала внимания, утопая в светлых глазах парня, любуясь его милым, правильным лицом. Его губами, которые без зазрения совести ласкали мои у всех на глазах.

– Софи, ты же знаешь, что русские фильмы – это полный бред! – пытается спорить со мной парень.

Почему-то именно сегодня мы решили просто посмотреть кино. Ни гулять, ни разговаривать, а тихо и спокойно посмотреть фильм, лежа в объятьях друг друга в моей комнате. Долго спорили, что лучше включить, но наш выбор так и не остановился на чем-то конкретном.

– Дай шанс русскому кино!

– Не хочу, – стоит на своем Джек. – Я всегда думал, что русские девушки – самые красивые, а на деле так себе, – фыркает, носом воротит. Как ребенок, честное слово.

– То есть считаешь, что я «так себе»? – театрально приподнимаю бровь.

– Ты исключение из правил.

Он мгновенно преображается. Угрюмость куда-то исчезает, уступая место широкой белоснежной улыбке. В глазах появляются искры. Яркие, необычные. Словно туда кто-то вселился и зажег лампочку, открывая вид на самую настоящую вселенную. Никогда не видела подобной красоты.

Джек одним движением нависает надо мной, придавливает к матрасу и, заправив выбившуюся прядь моих волос за ухо, оставляет легкий поцелуй на губах. Мимолетный. Но и этого достаточно для того, чтобы самой потянуться за губами парня, как за живительной влагой, которой не хватало долгое время.

Мне так нравится тонуть в этих поцелуях, наполненных нежностью и любовью. Нравится ощущать, как его язык обводит контур губ, сплетается с моим, дразнит. Углубляется, сдвигая начерченные в голове границы все дальше и дальше. Медленно. Сантиметр за сантиметром. Показывая новые грани поцелуем. Нежность, мягкость, эмоциональность. Которые могут перетечь в любую фазу.

Не сразу замечаю, как поцелуй превращается из нежного в страстный. Его язык проникает глубже, обводит линию зубов, лаская небо, играется с моим языком и губами, покусывая их, оттягивая нижнюю губу. Руки блондина отрываются от лица и скользят по телу, очерчивая фигуру. Чуть задевают выпирающую грудь, опускаются ниже к талии и останавливаются на попке.

Ох, мамочки…

Мы никогда не заходили так далеко, никогда не отдавались друг другу с такой страстью, а я никогда не позволяла трогать себя ниже талии.

Пожалуйста, не останавливайся. Я никогда об этом не просила тебя, старалась тормозить и просила остыть. Я была не готова. А сейчас хочу знать, каково это – чувствовать другого человека так близко. Совсем рядом. Кожей. Дыханием. Сердцем.

Внизу живота что-то сжимается. Нет, не растекается мягкой лавой, а именно сжимается. Словно там давно что-то скопилось и готово вот-вот вылиться наружу. Взорваться. Как бомба замедленного действия – неизвестно, когда именно бомбанет, обрушивая на окружающих свой заряд.

На мгновение Джек разрывает наш поцелуй и, уткнувшись лбом в мой, внимательно глядит на меня. Рассматривает эмоции на моем лице, будто ищет ответы на вопросы. И наконец-то озвучивает один из них.

– Ты когда-нибудь ласкала себя здесь? – он накрывает ладонью закрытую джинсами промежность, чуть надавливая.

Хочется на автомате сдвинуть его руку, но Джек не дает, пронзительно смотря мне в глаза. Он ждет ответа, а мне неловко даже говорить об этом.

– Н-нет.

– Тебе понравится, обещаю, – продолжает шептать мне на ухо немного хриплым голосом.

И я совсем не ожидала, что именно сегодня настолько рас-

ширю свои границы…

Жарко. Слишком жарко. Не могу контролировать себя. Срывает крышу. Этот парень нереален. Похоть сплетает нас в единый кокон и не дает улизнуть из своих сетей.

Джек так легко посасывает мочку моего уха. Сначала играется языком, затем оттягивает зубами. И по новой. А я… притягиваю светлую шевелюру ближе к себе, отчаянно хватаясь за возможность почувствовать его теснее.

– Ах…

Только спустя несколько секунд понимаю, что издаю первый в жизни стон. Стон, который легко срывается с губ вместе с остатками воздуха в легких. Я пугаюсь, как ядерной войны, пытаюсь закрыть рот ладонью, только это бесполезно. Стоны все равно слетают с моих губ. Один. Затем еще один. И еще. Чуть громче.

И я окончательно сдаюсь…

Черт возьми, я забываю о стеснении в руках этого парня! Этого искусителя, который проводит дорожку от уха вниз по шее, оставляя после себя горячий след.

А что вытворяют его руки! Боже!

Они невесомо гладят мою кожу под свитером. То едва касаясь, то крепко сжимая до легкой боли. Сама тянусь к его ладоням, сама выгибаюсь, лишь бы почувствовать его жар плотнее. Сильнее. Ощутимее. Хочу дышать этим пожаром. Этим пламенем, которое невозможно затушить.

Понимаю, к чему все идет, но все равно стремлюсь к этой

неизведанности. Готова отдать все что угодно, лишь бы Джек не останавливался. Не сейчас, когда его руки так умело сжимают грудь сквозь лифчик. Гладят сначала сверху, затем проскальзывают под чашечки, дотрагиваясь до сосков, и…

Это какое-то сумасшествие! Невероятно! Эти пальцы сводят с ума!

– Маленькая развратница, – шепчет парень, впиваясь в приоткрытые губы, готовые с удовольствием принять его щедрый дар.

Что-то щелкает. Чувствую, как грудь оказывается свободной от оков нижнего белья. И, наверное, в этот момент разум мгновенно реагирует на диссонанс, подкидывая воспоминания из прошлого.

«Парни только этого и ждут, чтобы поскорее залезть в трусики и побаловаться пальчиками, а потом хоп, и след простыл. Так что будь осторожнее!»

Строгие наставления Сары и соответствующий тон внезапно появляются перед глазами вместо потолка, на котором до этого даже не фокусировалась. Только сейчас понимаю, что одна рука Джека все еще сжимает мою грудь, покручивая сосок, а другая…

…расстегивает молнию джинсов.

– Стой, – мой голос, который должен быть громким, кажется совсем тихим и практически бесшумным. – Джек, постой, – добавляю чуть громче.

Парень не сразу слышит меня. Поднимает глаза спустя

несколько секунд. И смотрит с искренним непониманием. Его глаза кажутся темнее, чем обычно, зрачки заметно расширены.

– Боишься?

– Я пока не готова перейти к…

Джек понимает все без слов. Раньше мы говорили с ним о сексе. Не слишком откровенно, но и не на пальцах. Блондин никогда не настаивал, не торопил, дал возможность довериться. И сегодня мы переступили черту, которую я когда-то начертила в своей голове.

За ее границей оказалось приятно. Необычно. Я потеряла голову, неосознанно дав зеленый свет. В этом только моя вина. Не готова сделать еще один шаг за пределы допустимого. Наверное…

– Просто поверь мне, Софи, – шепчет Джек, оставляя на моих губах быстрый поцелуй. – Тебе будет хорошо.

Доверие слишком шаткая штука. Оно либо есть, либо его нет. Заработать трудно, лишиться легко, вернуть обратно невозможно. Но я одна из тех людей, которые с легкостью прощают мелкие косяки. Точнее не так – стараюсь вообще не обращать на них внимания. Сначала недоговоренность, затем вранье, а дальше следует предательство. Подобное я ощутила в школе, а сейчас…

…уверена на сто процентов, что Джек никогда не поступит наперекор моей просьбе.

И я доверилась. Глупо. Наивно. Но по-другому невозмож-

но. Ошибка ли? Скорее всего. Но об этом рано говорить.

Слабо помню последовательность его действий. Не соображаю, в какой момент пламя между нами разжигается с новой силой, а тело оказывается совсем свободным от одежды. Точнее не так. Свободным лишь внизу – сверху все еще надета толстовка и расстегнут лифчик.

Прохладно. Тот жар, которым окутал меня Джек, куда-то пропадает. Хочется тут же натянуть на себя одеяло и закрыться от чужих глаз, разглядывающих самую уязвимую часть моего тела. Но этого не происходит. Джек перехватывает мои запястья, вновь нависает надо мной и шепчет практически в губы:

– Не бойся.

Джек еще некоторое время терзает мои губы, смотря прямо в глаза, затем опускается вниз. Совсем вниз. Его лицо оказывается напротив моих бедер. И мне вновь хочется прикрыться, оттолкнуть парня прочь и больше никогда не впускать в свою комнату. В свою душу.

До одного момента.

Пока моя жизнь не делится на «до» и «после»…

Всего одно движение, одно дыхание, опустившееся между моих ног, и одна секунда сделали меня другой. Слишком уязвимой от одних только движений, которые приносят какие-то странные ощущения. Нежные. Это гораздо приятнее даже самого страстного поцелуя.

Теперь весь пожар сконцентрирован там, где находится

Джек. А точнее его язык и губы, которые ласкают мою плоть. Я чувствую каждое его движение. То быстрое, то медленное. То нежное, то дразнящее.

И это бесподобно.

Язык парня так легко скользит по клитору. Снизу вверх и обратно. Он обводит чувствительные места, скользит ниже к увлажнившимся складкам, играется со мной, давая возможность впервые прочувствовать все прелести подобных ласк, а затем возвращается к налитому кровью клитору и…

О, черт! Что же он делает! Что, мать его, делает своими губами!

– Ах…

Как громко! Слишком громко. Но я не могу контролировать свой голос, свое тело, которое выгибается от ласк Джека. Какое-то сумасшествие. Невозможно вытворять такое с моим телом.

Его язык бьет по чувствительной плоти. Все быстрее и быстрее. Потом, прекратив пытку, спускается ниже к половым губам. Обводит каждую из них языком, сладко касается губами, а затем… затем…

Он проник в меня языком?! Прямо внутрь?! И… двигается там… внутри…

Такое вообще возможно? Черт возьми! Возможно!

Схожу с ума. Не понимаю, когда стон переходит в крик, когда Джек с силой придавливает меня к кровати, чтобы я не брыкалась. Крышу сносит от этих ощущений. От совер-

шенно новых и прекрасных ощущений. От счастья, готового разлиться в каждую клеточку тела.

Стремлюсь куда-то вверх, поднимаюсь все выше и выше, будто я смогу долететь до облаков и потрогать их своими руками – настолько сладко Джек управляет моим телом. Язык вновь возвращается к клитору и двигается быстрее. Быстрее. Еще быстрее. Какая сладкая пытка для меня.

Боже! Я почти достала до белых и пушистых облаков, почти коснулась пальцами. Еще немного! Да! Да! Вот так! Джек, дай мне почувствовать эти пушистые облака! Дай дотронуться до них! Прошу! Еще! Еще!

Еще…

Глава 8. Вечеринка? Вечеринка!

– Софи! Ты не представляешь, что… – голос Сары внезапно врывается в сознание, растворяя созданную иллюзию земного рая.

Кое-как мы успеваем отскочить с Джеком друг от друга, кое-как я накидываю покрывало, скрыв от соседки обнаженные ноги и крупное пятно на постели, на котором, как выяснилось, сидеть не особо приятно.

Сколько сейчас времени? Когда она успела вернуться? И почему она здесь, а не со своим Патриком?

Блондинка смотрит на нас во все глаза. Сначала на растерявшегося Джека, затем на смутившуюся меня. Хочется сквозь землю провалиться от стыда, зажмуриться и никогда больше не видеть эту сдержанную улыбку! Черт!

– Упс! Кажется, я не вовремя…

– Не переживай, я уже ухожу, – тут же спохватывается Джек, поднимаясь с кровати.

Секунду я думаю, что он мог бы продолжить свои ласки, но эта мысль пресекается сказанными только что словами, не оставив надежду почувствовать те самые облака.

Парень быстро исчезает из поля зрения, оставив меня наедине с соседкой. Раскрасневшуюся от стыда и… голую…

– Сорян, – Сара смотрит с сожалением, но едва сдерживаемый смех все равно заметен на ее лице.

– Ничего, – я машу рукой. – Только дай мне одеться.

Без лишних слов Сара тактично отворачивается, содрогаясь от смеха, пока я быстро поднимаюсь с кровати и проскальзываю в ванную. Упругие струи воды бьют по чувствительной коже так же остро, как недавно язык Джека по моему клитору. Стараюсь отвлечься от этих воспоминаний и понять, что же со мной сотворил этот безбашенный парень. Но не могу.

Томление внизу живота проходит лишь в тот момент, когда я оставляю открытым только холодный кран. Заболею, опять буду с соплями ходить, но это лучше, чем испытывать давящую тяжесть. Но эти ощущения шершавого языка между ног…

…бесподобны. Неповторимы. И забудутся нескоро.

Живя в России под присмотром мамы, я никогда не пробовала ласкать себя, даже эротику не смотрела в интернете. В классе девятом все девочки были помешаны на сексе, описывали его, как самые незабываемые ощущения в жизни. А я слушала эти рассказы со стороны и не понимала, что такого необычного можно найти в простом занятии любовью.

Теперь этот вопрос отпал.

– В чем пойдешь завтра? – интересуется Сара, как только я захожу в комнату в одном полотенце. Черт, холодно!

– Завтра?

– Ты не слышала? Завтра вечеринка в честь Хэллоуина!

Я знала, что скоро все вокруг будут праздновать Хэлло-

уин – город начали украшать тыквами, летучими мышами и декоративной паутиной. Общежитие исключением не стало, да и кафе, в котором работаю, тоже. Хорошо, что у меня завтра выходной.

– Это событие уходящего года! Вечеринка в лучшем клубе города! Я всего пару приглашений у Гарри выклянчила! Мы обязаны там появиться! – продолжает щебетать Сара, вытаскивая из шкафа, казалось, весь свой гардероб.

Еженедельные вечеринки здесь в порядке вещей. Сара не пропускала ни одну из них, в то время как я была занята на работе или заданиями. Но когда все же удавалось вырваться из оков знаний и запаха кофе, которым себя постоянно взбадривала, весело проводила время. Отдыхала с друзьями из общины, танцевала с Сарой, обнималась и целовалась с Джеком в медленном танце.

Алкогольные напитки я почти не пила, если только сок, а Джек защищал меня от стороннего вмешательства. Не верится, что такая скромняга, как я, кого-то еще заинтересовала. А такое имело место быть. Сама удивилась, когда второкурсник из братства заядлых юристов начал подбивать ко мне клинья. Благо Джек оказался рядом и нормально объяснил парню, что к чему.

Мне нравится эта жизнь. Университет, общение с друзьями, студенческие общины, разделенные по разным интересам. О таком я не могла и мечтать, сидя на перемене в школе где-то в углу, лишь бы никто не беспокоил и не начал из-

деваться. Эта новая жизнь – мечта каждого, и упускать хоть что-то не хочется.

– Ты решила превратить нашу комнату в преисподнюю? Вечеринка ведь завтра, – спрашиваю то ли с улыбкой на лице, то ли с ужасом в глазах, смотря на заваленные кровати. Обе. И мою, и Сарину. Сесть даже негде.

– А костюм нужно выбрать сегодня, а то эти сучки общипанные самые лучшие образы разберут!

Сара бегает туда-сюда от шкафа до кровати и обратно, рассматривает все свои наряды, сверяет с какой-то картинкой на планшете. А я стою в одном полотенце, не зная, как пройти к шкафу и взять наконец-то теплую толстовку с домашними штанами.

Услышав о вечеринке, я тоже загораюсь идеей. Если раньше я посмотрела бы на это с неохотой, то сейчас готова отдать все, чтобы появиться там. Сара говорила, что мы будем праздновать в лучшем клубе города? Тогда точно надо выглядеть на все сто.

Мне все же удается кое-как пробраться к шкафу и достать свои вещи. Отворачиваюсь и надеваю привычную домашнюю одежду, не сковывающую движения. Фух! Наконец-то!

– Фак, ты бы побрилась! – тут же кривится соседка, пока я натягиваю штаны. – Как Адамсон вообще языком пробирался сквозь эти джунгли?

– Откуда ты знаешь, что… – я просто зависаю, не в силах продолжить. Не могу представить, что Сара все видела. А

она видела, судя по хитрому прищуру голубых глаз.

– Оттуда! Сложно не заметить чужую голову между ног! – чуть прикрикивает, улыбаясь. – И вообще, тебе там не колет? Я бы давно с ума сошла от этих зарослей!

– Это не заросли!

– А что? Темный лес? Как хочешь называй, но это жесть!

Вновь соседка заставила меня смутиться. Мало того, что она видела меня в уязвимом положении, так еще и издевается! Откуда же я знала, что там нужно брить? И как брить? Черт!

– Кстати, как оно? Хорошо лижет?

– Сара! – возмущаюсь я.

– Мне же интересно! Давай, рассказывай! Хочу знать все в подробностях!

Блондинка застала меня врасплох. Рассказать? Как? Как можно описать эти ощущения? Как объяснить, что ее приход помешал мне достигнуть облаков?

Черт! Низ живота опять слегка тяжелеет от одних лишь воспоминаний о сладких ласках Джека. Что же он со мной сделал…

– Это непередаваемо, – только и говорю я, потому что добавить больше нечего.

До сих пор не могу прийти в себя. Эти воспоминания сводят с ума, заставляют думать каждую секунду только об удовольствии. Даже сейчас, разговаривая с подругой о предстоящей вечеринке, представляю, как влажный язык Джека дви-

гается между моих ног из стороны в сторону, как его губы ласкают меня. Кажется, у меня намокли трусики.

– А глаза-то как сверкают! Молоток Адамсон! – комментирует соседка. – Ну ладно, стесняшка, пошли выбирать платье! – махнув рукой, она окунается в одну из куч на своей кровати, вытаскивая оттуда что-то яркое и блестящее.

Сара что-то щебечет, вычеркивает на планшете, ищет картинки по новой, разбрасывается вещами в разные стороны. Но я не принимаю участие в этом аврале. Потому что нахожусь далеко отсюда.

В воспоминаниях недавнего прошлого, где мне было очень хорошо…

Чувствую себя зависимой от этого нереального ощущения. Хочу еще и еще. Хочу узнать, что же меня ждет, когда я окажусь на небесах. Там, где так и не успела побывать.

Интересно, это был секс? То, каким образом Джек доставлял мне удовольствие. Можно ли называть это сексом? Почему-то не задумывалась до этого момента.

– Сара, – обращаюсь я к подруге, которая не сразу отвлекается от планшета. – То, как меня ласкал Джек, это секс?

Блондинка тут же замирает, медленно поднимает голову и смотрит на меня улыбающимся взглядом. Вновь смущаюсь, вновь щеки полыхают от стыда. Никогда не интересовалась этим сама, а уж спрашивать у кого-то…

– Это куни, детка. Не слышала о таком?

– Нет, – мотаю головой.

– Кунилингус – это оральный секс, то есть когда ты ублажаешь своего партнера ртом. Сегодня Джек тебя вылизал, а потом ты его.

Теперь замираю я. Как это? Как я могу доставить ему удовольствие ртом? Тоже поиграться языком? Вряд ли, у него же должен быть… То есть это значит…

– Фу! – я тут же кривлюсь, представив эту картину. Взять в рот его… орган? Ну нет!

– Что за крайности, Софи? Он же лизал твою киску, почему бы тебе не отсосать его член?

Сара так спокойно говорит эту фразу, а я даже не могу произнести слово «член». А увидеть… прямо перед глазами… взять в руки… в рот…

– Я… не знаю…

– А должна знать, раз вы перешли к этому этапу. Здесь главное – не облажаться, подруга, а то найдет другую соску.

– Кого?

– Соску, – практически по буквам повторяет Сара. – Та, что будет сосать его член.

Бе! Какие грязные слова! Сосать член! Не представляю, как вообще можно такое сказать! А сделать! Черт!

Я не готова к этому…

Чувствую себя ужасно неловко. Скованно. Еще вчера я наслаждалась нашим общением, нашими поцелуями и чувствами, которые только-только начали зарождаться. А теперь…

Понимаю, что не готова. Не смогу так просто взять и удовлетворить своего парня. Не смогу преодолеть стеснение, сковывающее мое сознание. Рано или поздно это должно произойти, но лучше поздно. Не сейчас, когда я совсем ничего не понимаю и не могу разобраться в своих ощущениях.

Слышу звук входящего сообщения на телефоне. Мама, наверное, просит позвонить. На этой неделе мы еще не созванивались.

«Буду ждать тебя на вечеринке, красавица. Завтра мы обязательно продолжим» – получаю сообщение от Джека. Ошиблась.

Значит, он продолжит сегодняшнее сумасшествие. Но что ждет меня? Он продолжит свои ласки, а я…

Что нужно сделать мне? И нужно ли вообще что-то делать? Сара совсем запутала со своими терминами. Но сейчас я вспомнила о другом.

– Сара! Помоги мне!

– С чем?

– С этим, – я указываю на низ живота. Она понимает все без слов, улыбается, но, к счастью, не издевается.

Раз Джек хочет продолжить, то нужно подготовиться кардинально. Ко всему.

Наверное…

Глава 9. Хэллоуин

– Да ты ходячий секс! – пытается перекричать музыку Сара. – Я же говорила, что это платье отлично подчеркивает твои буфера! Вон как на тебя парни смотрят!

Подчеркивает – мягко сказано. Скорее больше открывает, чем закрывает. Грудь слишком высоко сидит в корсете бирюзового платья, которое переливается блестками в свете софитов. Очень долго я противилась этому одеянию, однако Сара заявила, что на Хэллоуине такой костюм не несет в себе никакого подтекста. Поверила на слово. Зря.

– Мне не нравятся, как они глазеют.

– Да не ссы! Вот Адамсон увидит, прямо на танцполе упадет.

Самой интересно, как Джек отреагирует на мой наряд. Чувствую себя некомфортно в откровенном платье, облипающем тело, как вторая кожа, и разноцветных туфлях на высоких каблуках. Сара потрудилась над образом больше меня самой, хотя и из нее получилась довольно сексуальная женщина-кошка.

– Пошли выпьем, – блондинка-кошка тут же тянет меня к толпе, скопившейся возле барной стойки.

Клуб забит до предела. Снаружи еще есть люди, ожидающие своей очереди, но их не пустят. В этот рай врата закрыты, и больше они не откроются ни для кого. Огни прожек-

торов и ламп в виде тыкв создают жуткую обстановку под стать празднику, а люди в не менее устрашающих костюмах дополняют атмосферу. Узнать кого-то невозможно, да я и не пытаюсь.

Вру.

Как только мы заходим в клуб, я пытаюсь найти среди веселящихся людей своего красивого светловолосого парня, который обещал меня встретить у входа. Но его не видно, сколько ни вглядываюсь в чужие лица. Наверное, позже подойдет.

Кое-как нам с Сарой удается усесться на два барных стула и заказать у улыбчивого бармена в смешной медвежьей шапке и темных очках какой-то напиток. Заказывает Сара, а я просто предоставляю ей выбор, ибо в алкоголе совсем не разбираюсь. Ну, нет. Врать не буду. Не только поэтому.

Я все еще продолжаю искать среди собравшихся своего парня…

Интересно, он уже пришел? Мы и так опоздали часа на полтора, а Джека в комнате не обнаружили. Значит, он здесь. Но тогда почему не берет трубку? Почему я не вижу его?

Почему он не видит меня?

– Давай за нас, подруга! – Сара отвлекает меня от размышлений, протягивая небольшую рюмку с чем-то желтым. Это и есть напитки? Маленькие какие-то! У них побольше стаканов нет?

– За нас! – мы чокаемся и залпом выпиваем содержимое.

Точнее сначала блондинка, а потом я.

Фу! Как жжет! Водка, что ли? Никогда не думала, что она такая обжигающая и ядреная. Хотя нет, не просто водка. Вряд ли она имеет апельсиновый привкус. Жжение проходит быстро, уступая место приятному облегчению.

– Ну, как тебе? – соседка смотрит на меня с неприкрытым любопытством.

– Обжигающе.

– Торкнуло?

Что сделало? Торкнуло? О чем она вообще?

– Эм… я не знаю.

– Давай еще по одной, – Сара вновь подзывает улыбающегося бармена, который кое-как успевает обслужить всех посетителей, перебегая туда-сюда, и заказывает еще пару рюмок.

Нет, не рюмок. Шотов. Оказывается, эти маленькие рюмки, в которые наливают водку в России, здесь называют шотами. Странно. Но это перестает иметь значение, когда мы выпиваем еще по одному шоту. И еще по одному. И еще.

И тут я понимаю, что имела в виду подруга, когда спрашивала, торкнуло ли меня. Все вокруг начинает плыть. Нет, не раздваиваться, как это любят показывать в фильмах, а слегка плыть. Словно я была напряжена, а потом резко расслабилась.

Мой первый выход в свет не идет ни в какое сравнение с этим днем. Теперь я не просто пришла на студенческую

вечеринку, превратившись из скромницы в обольстительницу, не просто танцевала посреди танцпола с соседкой, замечая на себе любопытные взгляды. Пройдена еще одна точка невозврата. Еще один этап новой жизни.

И я не хочу его упустить…

Как же хорошо. Эта расслабленность, легкая эйфория в сочетании с быстрым ритмом музыки и движениями в такт просто не могут не приносить удовольствие. Я кайфую. Да, именно кайфую. Кажется, раньше не понимала значение этого слова, а сейчас прочувствовала все целиком и полностью на своей шкуре.

Не хочу ни о чем думать! Здравый смысл и скромная девочка, которая уже завтра выйдет на работу и будет улыбаться посетителям, ушли куда-то далеко. Потерялись.

А затем вовсе перестали существовать, когда на талию опустились теплые руки…

Вздрагиваю от неожиданности, но быстро прихожу в себя, когда чувствую родное тело позади. Это Джек. Мой Джек, которого я так ждала. Невольно улыбаюсь. Он узнал меня среди всей толпы. И я его узнала. По прикосновениям, по неровному дыханию, опускающемуся на мои плечи. По губам, оставившим поцелуй на шее. По голосу, который томно произнес:

– Моя сексуальная бабочка.

Джек прижимает меня к своему телу, повторяя движения, которые я проделывала на танцполе. Двигаю бедрами, и он

вместе со мной. Одновременно. Полностью расслабляюсь в его объятьях, не понимаю и не хочу понимать, что сейчас происходит между нами.

Не обращаю внимания на других студентов, которые отплясывают неподалеку от нас, не задумываюсь о развратности своих действий. Мне все равно. Непонятные коктейли, громкая музыка и руки любимого парня, которые спускаются все ниже к бедрам, очерчивая фигуру, просто не дают разуму включиться.

Его ладони пробираются под юбку. И я не сопротивляюсь. Плевать, что толпа народа и любой может нас увидеть. Я сосредоточена лишь на руках парня, которые беспрепятственно гладят внутреннюю сторону бедра, лаская кожу, и останавливаются прямо возле трусиков.

Меня будто ударяет током – настолько остро я ощущаю пальцы Джека. И я опять не противлюсь, ожидая, что же последует дальше. Даже наоборот, прижимаюсь к нему, чувствую своей попкой его…

Член!

Да, это член, и мне плевать, что будут обо мне думать, как посмотрит на меня мама! Плевать!

Пальцы парня без стыда играются со мной, обводят вокруг налившегося кровью клитора, спускаются ниже к наполнившемуся влагой естеству, двигаются туда-сюда, заставляя меня потеряться. Воздуха не хватает. Боже, какой кайф! Как же хочется еще! Еще! Прошу!

– Ты готова. Пойдем, – не позволив мне посмотреть в глаза, Джек тут же уводит нас подальше от шума, придерживая за талию. Куда мы идем? Не знаю. Но музыка больше не стучит по ушам, а людей оказывается гораздо меньше.

Все вокруг плывет. Даже на тусклый свет небольшого помещения я не могу реагировать. Взгляд больше не фокусируется на предметах, только на парне, который прислоняет меня к шаткой двери и тут же впивается в губы. Наши поцелуи влажные, горячие. Дерзкие. Никогда в жизни не целовалась так раскованно, кусая губы в кровь и прижимаясь к теплому телу.

Когда Джек больше не таится у меня за спиной, я пытаюсь рассмотреть его взгляд. Он в буквальном смысле горит пламенем. Эти светлые глаза наполнены каким-то странным огнем, который передается мне через поцелуй.

Никогда не видела его таким… безбашенным. Будто зверь с цепи сорвался. А костюм чудовища из знаменитой всеми детской сказки только дополняет образ.

– Как я давно мечтал об этом, – шепчет Джек, оторвавшись от губ, и тут же вбирает в рот мочку уха. Посасывает, вытягивает зубами. А у меня в этот момент земля из-под ног уходит.

Я зажата между тонкой дверью и сильным телом. Это чувство полета и расслабленности окутало меня в свои сети. Но что-то не дает покоя. Не могу полностью расслабиться, как недавно на танцполе. Какой-то отголосок внутри все ноет и

ноет. Стараюсь прогнать его, но толку? Все равно пищит тонким пронзительным голоском:

Уходи отсюда! Немедленно! Это ничем хорошим не закончится! Оттолкни его! Дай пощечину! Беги, пока не поздно!

Прочь! Прочь из моей головы! Это моя жизнь, и мне решать, как поступить дальше! Мне не страшно, наоборот – очень хорошо! Меня трясет от поцелуев Джека, а он обещал продолжение вчерашнего сумасшествия. И я готова к нему.

Остатки эйфории, которые заполняли до этого мой разум, исчезают. Они испаряются в тот момент, когда реальность внезапно встает перед глазами. Когда Джек отрывается от моих губ и…

… стягивает штаны от костюма вниз. До самого пола.

Страх. Он поражает все вокруг, окутывает огромным коконом, из которого больше не выбраться. Он заставляет меня моментально протрезветь и посмотреть правде в глаза.

В глаза парню, который приподнимает меня над землей за попку. А я не сопротивляюсь…

Но я ждала не этого! Я не готова к сексу! Не надо!

«Надо было слушать раньше», – кричит мой внутренний голос, протестующе ударяя кулаками о невидимую стенку.

– Потерпи, будет немного больно.

Больно? Я не хочу, чтобы было больно. Может, в другой раз? Когда я буду готова?

Чувствую между ног что-то мягкое и гладкое. Легко

скользящее по моим складкам. Смазка просто так не высохнет – Джек постарался раззадорить мое тело. Только сейчас от возбуждения не осталось ничего. Как и от шотов. Я полностью трезва.

Его близость душит. Причиняет боль. Хочу вырваться. Он слишком близко. Болезненно. До ломки костей. Его не остановили мои руки, которыми я пыталась оттолкнуть. Не остановили слова, которые я шептала, умоляя прекратить.

Нет, я не хочу этого!

Не сейчас!

Джек, пожалуйста, не надо!

Я не готова…

– А-а-а-м, – из горла вырывается крик, который Джек заглушает поцелуем. Жестким. Словно пытается заткнуть.

И мне впервые в жизни противно принимать этот поцелуй…

Нескончаемая боль в животе раздирает на маленькие кусочки. Движения слишком резкие. Неосторожные. Они причиняют сильную боль. Не только физическую, но и моральную.

– Блядь, какая же ты узкая! – хрипит парень на ухо.

Джек сминает мои губы, не обращая внимания на сопротивление. Толчки кажутся мучительно болезненными, будто лезвие ножа проходится по коже. По душе. Оно создает многочисленные кровоточащие раны. Их не остановить, не излечить. После них появится рубец. От него не избавиться

с помощью пластики.

Душевные раны не заживают…

– Джек, пожалуйста, перестань. Мне больно, – мой голос практически не слышен.

– Тише, Софи, тише, – шепчет парень перевозбужденным голосом. – Сейчас все пройдет.

Блондин так старается меня успокоить, так искренне смотрит в мои глаза, гладит по лицу липкими пальцами. Джек не замечает, как с каждым резким толчком я разочаровываюсь в нем все больше и больше.

Как с каждым мгновением он отдаляется от меня, пока не становится окончательно чужим…

Прошло минут десять, если не больше, как Джек вышел из меня и излился семенем в унитаз. Только в этот момент я осознаю, что мы находимся в кабинке туалета. В грязной, потрепанной кабинке, где до нас, наверное, побывали другие сладкие парочки.

«Сделай так, чтобы это произошло не в потрепанном туалете дешевого клуба».

Я помнила тот день. Помнила предупреждения Сары, которые пропустила мимо ушей. Потому что была дико влюблена в самого красивого парня в университете. В единственного, кто ответил взаимностью на мои чувства.

Сейчас все воспоминания наших отношений померкли. Первая встреча, первое прикосновение, первый поцелуй, первое свидание.

Первая близость, которая началась вчера так сладко, а закончилась сегодня так горько…

Джек кидает пару фраз о том, что будет ждать возле бара, и оставляет меня одну. Я тут же закрываю дверь на щеколду и опускаюсь по стенке на пол. Обнимаю колени. Сжимаюсь в кокон. Лишь бы никто больше не беспокоил, лишь бы никто не спрашивал, в чем дело.

Слезы душат. Поначалу они лишь маленькими капельками стекают по щекам, по шее, но теперь их оказывается гораздо больше. Капли превращаются в реки, озера, моря, а я просто не могу остановить этот поток, идущий параллельно с мыслями.

Что же я наделала…

Теперь ничего не будет как прежде. Ни общение с Джеком, ни разговоры с мамой, ни занятия в университете, даже посиделки с Сарой. Они будут уже не такими яркими и веселыми. Не такими жизненными и эмоциональными. Я никогда не стану прежней.

Бабочка потеряла крылья. Их обрезали в тот момент, когда тело пронзила волна боли.

Глава 10. Сара

Прим. автора: героиня этой главы Сара, и она очень много ругается матом. Пожалуйста, не возмущайтесь, такой уж у неё характер. Если вам противно читать про Сару – можете пропустить эту главу.

Как же охуенно! Эта вечеринка просто супер. Самый лучший Хэллоуин в жизни. Хотя в Нью-Йорке дождей в это время почти нет, в отличие от Лондона. За это я и ненавижу Англию, за постоянные ебучие дожди и утренний дубак. Чертовы экономные аристократы!

Но какая мне, на хрен, разница? Ведь вокруг так весело и шикарно! Напитки льются рекой, словно водопады. Можно спокойно подставить рот под струю текилы и ни о чем больше не думать. Так я и поступила минут десять назад, наслаждаясь нереальным кайфом. Это лучше, чем грустить весь вечер.

Вон одногруппники палят. Узнали, суки, под гримом, ушами и длинным хвостом. Чертов костюм. Лучше бы я не заказывала эту латексную хрень, которая жопу натерла. Похожа больше на шлюху, а не на женщину-кошку, тем более многие выбрали именно этот костюм. Захотела выделиться, блядь! Довыделялась!

Патрик не пришел. Упырок. К экзамену ему, видите ли, надо подготовиться! Ебучая отмазка. Какой, на хер, экза-

мен в середине семестра? А ведь обещал мне незабываемую ночь, полную разврата и дикого траха. Наебал, гад! Ну, ничего, мне и без него весело.

Сижу возле бара, как королева вечера. Нога на ногу закинута, взгляд цепкий, вопреки легкому опьянению. Все вокруг пялятся. Не это ли счастье? Ни хрена подобного! Счастье – это когда ты чувствуешь родные объятья, когда любимые губы нежно целуют твои, а внутри разгорается чертов фейерверк. Именно это я почувствовала с Патриком в первую встречу. Именно его губы завели меня, как маленькую шлюшку.

Именно поэтому наша ночь стала самой лучшей на свете.

Эх, воспоминания…

Опять они давят на больное. Козел! Подонок! Если я узнаю, что он не учил свою ебучую ботанику, а трахал какую-нибудь первокурсницу, яйца поотрываю! Пусть мучается, кобель!

Взглядом случайно натыкаюсь на знакомого блондинчика в диком и безвкусном костюме. Адамсон, что ли? Идет такой вальяжный, словно зверя приручил. Покачивается и исчезает у выхода. Интересно, что он здесь забыл? Я же видела, что они с Софи танцевали, как два развратника у шеста, а затем ушли куда-то. И где этот дурак бросил мою скромницу?

Эта рыжая недотрога как ребенок. Ее нельзя было оставлять одну, такая, как она, легко может потеряться в изобилии свободы. Мне нравится общаться с ней, слушать наив-

ные высказывания, но Софи стала хорошей подругой за этот промежуток времени, и если с ней что-то случится…

Вопреки боли в булках встаю с пресловутого барного стула и иду к выходу. Туда, куда ушел Джек. Пусть отвечает передо мной за подругу, хренов упырок!

– Кого-то потеряла? – внезапно раздается сзади.

Блядь! Чуть не наебнулась из-за этого мудака! Опять рыжий появляется тогда, когда не просят! Почему в моей жизни именно рыжие доставляют столько хлопот? Ладно, Софи можно простить, но этому идиоту подобная индульгенция не светит.

– Знаешь, да! Девственность свою ищу!

– Хочешь, помогу найти, – парень играется рыжими бровями. Тоже нажрался в говно. Странно, что на ногах стоит, а не над толчком блюет.

– Не неси хуйню, Питерсон. Помоги найти Софи.

Он что-то говорит, пока я резво направляюсь вперед. Идет сзади, как послушный пес. Фу! Как пошло!

Мы оказываемся в одном из коридоров. Люди практически разошлись по домам, осталась всего пара человек, здесь и вовсе пусто.

– Почему дикая кошечка сегодня одна? – голос рыжего недоноска слышится четче. Вот что значит приглушенная музыка. Жалко, что сюда не доходит клубный бит – не услышала бы противный голос рыжего мудака.

– Не твое дело!

– Мое, солнышко, мое.

Что? Этот лузер посмел назвать меня солнышком? Причем так ласково, аж противно стало!

– Не называй меня так!

– А как тебя еще называть? Сукой? – Питерсон усмехается. Замечаю, как появляются маленькие ямочки на щеках. Это выглядело бы мило, только не на этом противном лице! – Могу и так, тем более ты соответствуешь этому термину. Настоящая породистая сука.

Хлопок. Всего один хлопок по щеке этого идиота разделил говнючего лузера на две части. И вторая его сущность мне не особо понравилась. Она показалась озлобленной, устрашающей. И опасной.

Пора бежать, Сара. Ты реально нарвалась.

Но я не успеваю и шагу ступить. Не хватает всего пары секунд, чтобы сделать ноги и оказаться подальше от этого сумасшедшего. Всего пары секунд.

Этот рыжий ублюдок успевает быстрее, резко прижав меня к стене. Холодно, между прочим! Но эта мелочь перестает в принципе беспокоить, когда его губы касаются моих. Так резко. Так неожиданно.

И так шикарно.

А этот ботан классно целуется. С язычком, опытно так, как будто на профессионалках тренировался. Так нежно губы поглаживает, так глубоко проникает в рот, но не пытается достигнуть гланд, как любят делать парни.

А его руки! Мать его!

Если бы не они – рухнула бы нахрен, только не знаю, от чего именно. То ли от опьянения, то ли от эмоций.

Этот придурок опьяняет. Как так? Почему? Ответить я не могу. А зачем, когда мне так хорошо. Его руки так крепко держат меня за талию, в то время как опытные губы жадно втягивают меня в какую-то авантюру. И я хочу в ней участвовать, лишь бы поцелуй никогда не прекращался.

Однако упырок опять решает сделать все по-своему.

Гарри резко отстраняется от меня и уходит, оставив стоять у холодной стены. Только что целовался, как в последний раз, а теперь оставил одну.

Что это, мать его, было? Что за взрыв? Стою и не могу отойти от шока. Какого хрена он свалил? Решил поступить точно так же, как и я? Соблазнить и бросить! Не на ту напал, чмо рыжее! Сара Кларк никогда не уходит проигравшей с поля битвы!

– Сара, вот ты где!

– Патрик? – я удивленно гляжу на парня, который в мгновение ока появляется передо мной. На том самом месте, где недавно стоял Гарри. – Ты же сказал, что не придешь.

– Я за тобой. Пошли отсюда.

– Зачем?

– Здесь небезопасно. Пошли.

О чем он? Почему небезопасно? Вопросы все сыплются, а Патрик не спешит на них отвечать.

Патрик тянет меня к выходу, я семеню следом без лишних вопросов. Потому что верю парню, от которого сходила с ума.

До этого момента…

Если раньше все мои мысли были заняты Патриком, то сейчас передо мной стоят глаза, которые я избегала всяческими способами, а сейчас желаю вновь увидеть.

И мне это удается.

Последнее, что я вижу, когда сажусь в такси с парнем, это рыжую шевелюру Гарри, курящего возле клуба. Мы не отрываемся друг от друга, пока такси увозит нас с Патриком все дальше и дальше от этого злосчастного места. Я не хочу отводить взгляд, все еще прокручивая в голове наш поцелуй.

Крышесносный и опытный.

Фак! Я бы отдалась этому ушлепку, если бы он не ушел! Гондон! Какого хрена он себе позволяет? Почему я не дышала две чертовы секунды, пока такси не уехало окончательно, разделяя нас с рыжим идиотом? Хорошо, что Патрик не заметил мою загруженность. А если он узнает, что я целовалась с тем рыжим упырком? Он же мне совсем не нравится. Противный, некрасивый, чертов лузер!

Но это не мешает ему целоваться как Бог!

Фак!

Меня нужно пристрелить за эти мысли…

Глава 11. Я совершила ошибку

Боль. Она никогда не перестанет резать изнутри тонким лезвием скальпеля. Никогда не заглохнет. Рано. Она еще не разделила мою душу на множество маленьких кусочков. Процесс только начинается. Когда он завершится?

До этого момента я не знала ничего о настоящей боли. Так, легкий удар под дых, когда на тебя ополчились одноклассники. Слабая пощечина от матери, когда она произносила излюбленную фразу о разочаровании.

Сейчас это не идет ни в какое сравнение с огромным комом где-то в глубинах моего тела, не имеющим конца и края. Он просто существует, увеличивается в объеме, разрывает изнутри, пока я лежу на грязном, заляпанном полу и проливаю слезы. А я вообще плакала? Не знаю. В какой-то момент перестала чувствовать влагу на лице.

Сколько прошло времени после ухода Джека? Час? Два часа? Может, целая вечность? Разве это имеет какое-то значение, когда тело разбито на мелкие осколки, а душа абсолютно пуста? Просто сосуд, который можно наполнить чем угодно, хоть ядом. Плевать. Я все равно не почувствую.

Не хочу выходить из этой маленькой коморки, которая стала свидетелем моего греховного падения. Не хочу видеть чужие лица и понимать, что теперь я далека от той рыжей девушки-отличницы, которая укатила в другую страну ради

престижного образования и хорошей жизни.

Чувствую себя грязной, будто меня сравнили с комком земли. Использованной. Меня будто потрепали и выкинули. Как ненужный мусор. Как кусок заплесневевшего хлеба. Джек просто оставил меня подыхать от собственной никчемности. Сделал дело и свалил. Не надеюсь, что он придет и станет просить прощения. Зачем? Он получил все, что нужно. Этот день закончился для него удовольствием, а для меня разочарованием.

Разочарованием в нем…

Совсем недавно я могла с уверенностью сказать, что люблю Джека. Безгранично сильно. Нежно. Как могут любить только одного человека. Я доверяла ему, радовалась каждой проведенной с ним минуте, каждому поцелую. Но все изменилось в один момент, когда я попыталась сопротивляться, а меня не услышали.

Как же больно! Кости ломит. Мышцы затекли. Я привыкла к этому ощущению, привыкла к тусклому свету. Он просто загородил меня от окружающих, стер с лица земли. Сделал невидимкой. И я была за это немного благодарна.

До одного мгновения, пока меня не пронзил яркий свет.

Он буквально ослепил, заставил зажмуриться, словно узника, сидевшего долгое время взаперти без солнца и воздуха. Единственное, чем я отличалась от заключенного, это тем, что сама себя заперла в плену собственных мыслей и боли, которые никогда не оставят в покое.

Не понимаю, в какой момент кто-то берет меня на руки, едва ощущаю, как сажают на что-то мягкое. В тепло. Не осмеливаюсь глаза открыть. Боюсь. Рано или поздно мне придется это сделать. Но не сейчас.

– Эй, рыжая, ты там жива? – через толщу слышится мужской голос. Знакомый такой, мальчишеский, похожий на…

– Джек…

Это все, что я произношу вслух, стоит только открыть глаза и осознать, что за окном уже утро, а меня посадили в салон машины. Только не он. Не хочу. Нет…

Резко дергаю ручку, превозмогая дикую слабость. Нужно выйти отсюда. Но вряд ли у меня получится. Дверь не поддается моему напору, оставляет один на один с этим предателем. С козлом, который воспользовался мной и свалил.

Где же ты был раньше? А? Ответь мне! Почему ты поступил со мной как настоящая скотина? Почему не остановился, когда я сказала «нет»? Почему я просила тебя прекратить страдания, а ты продолжил мучить…

Пытать…

То, что произошло между нами – настоящая пытка. Я до сих пор чувствую дикую ноющую боль, от которой не могу избавиться! Ты во всем виноват! Только ты!

– Выпусти меня! – кричу, вновь не оборачиваясь в его сторону. Не хочу его видеть. Не могу. – Выполни хоть одну мою просьбу!

– Эй, детка, расслабься, – голос становится серьезным, хо-

тя до этого в нем были веселые нотки. И только после этого понимаю свою ошибку. Огромную ошибку.

Это не Джек…

Я все-таки перебарываю себя и поворачиваю голову влево. И там сидит смутно знакомый парень. Тот самый бармен в медвежьей шапке и очках. Как я его узнала? Он не сменил запомнившийся ночью облик.

– Тебе холодно?

Я ничего не отвечаю. Просто гляжу на странного бармена, который со всей серьезностью осматривает меня с ног до головы, хотя через темное стекло очков вряд ли что можно заметить. Но все мои догадки становятся ненужными, когда парень молча снимает с себя куртку и накидывает мне на плечи.

Становится гораздо теплее, только душу это не отогреет…

– Куда мы едем? – спрашиваю я, стараясь как можно теснее укутаться в теплую куртку.

– А куда тебе нужно?

– Отвези меня в общежитие, пожалуйста.

Еще недавно я не хотела никого видеть, встречать знакомые лица, а тем более возвращаться в родное пристанище, где, возможно, встречу Джека. Но идти больше некуда. Я осталась одна в этом мире, и единственное место, куда могу вернуться – комната в общежитии. Только там я могу спрятаться от всего мира, зарыться под одеяло и больше не впускать свет в свою душу. Хотя…

Его и так уже нет – тьма поглотила меня целиком и полностью.

Смотрю, как за лобовым стеклом просыпается город. Люди нехотя переступают с ноги на ногу, направляясь на работу или на учебу. В воскресенье? Этот город никогда не спит. Вокруг так беззаботно и радостно, для всех это обыкновенный выходной. Но не для меня. Этот день стал точкой невозврата между прошлым и будущим. Между добром и злом.

Между ненавистью и любовью…

Машина останавливается на знакомой улице. Не заметила, как быстро пролетело время. Всю дорогу мы молчали. Я не знала, что и сказать, а он, наверное, не хотел нарушать тишину.

– Слушай, если тебе нужна будет помощь – обращайся, – парень протягивает маленькую прямоугольную картонку, на которой написано два номера телефона и имя – Эндрю.

Улыбаюсь. Но эта самая улыбка кажется горькой усмешкой судьбы. Этот странный парень появился в тот момент, когда я разбита. По доброй воле он вытащил меня из заточения, отвез домой и вновь предложил помощь. В голове возник лишь один вопрос.

Почему самые близкие так легко предают, а самые далекие оказываются рядом?

От этого парня веет такой добротой и заботой. Как когда-то от Джека…

– Спасибо, Эндрю, – шепчу в ответ, повернув голову.

Вглядываюсь в незнакомца внимательнее. Из-под шапки виднеются темные волосы, а тонкие губы расплываются в дружеской улыбке. Больше ничего не видно на лице Эндрю, остальное скрыто под клетчатой рубашкой, меховой шапкой и солнцезащитными очками.

– Как тебя зовут?

– Софи, – отвечаю так же спокойно и тихо. – Спасибо за помощь.

– Не за что, – парень небрежно пожимает плечами, мол ничего страшного не произошло.

Вряд ли бармен понимает, что совсем недавно протянул руку помощи умирающему, что заставил посмотреть правде в глаза и вытащил из того ада, в котором я так долго себя убивала. Когда доберусь до своей комнаты, снова начну необратимый процесс из размышлений и полной апатии ко всему происходящему.

Выхожу из машины, вдыхая утренний воздух. Не обращаю внимания на привычную лондонскую прохладу, на ветер, сковывающий меня в своих объятьях. В коридорах тихо. Все еще спят, даже комендант, которая обычно дежурит на ресепшене. Это только на руку – смогу незаметно проскользнуть в комнату.

Она оказывается пуста. Шторы задернуты, окно открыто, впуская уличный холод. А вокруг тишина. Только я одна являюсь подтверждением существования жизни. Только я…

Сбрасываю с себя туфли, грязное платье Сары, избавля-

юсь от крыльев на спине и плюхаюсь на кровать. Грязная. Абсолютно голая. Уязвимая.

Эти чувства ни за что не отнять. Они будут идти параллельно со мной. До конца. Пока не выжмут из меня все живое. То, что способно поддерживать нормальное существование.

Хочу просто уснуть, а завтра сделать вид, что это лишь дурной сон.

Мечты…

***

О, Боже! Как болит голова! Боюсь открыть глаза. Знаю, что меня ждет. Темная комната. Пустая и прохладная. Опять не закрыла окно перед сном.

Как долго я пролежала здесь, смотря в одну точку? Через сколько мне удалось уснуть, после того, как я пролила море слез на подушку?

До сих пор влажная. Не только подушка, но и мое лицо…

Мобильный показывает ровно восемь вечера. Так поздно. Получается, я спала больше двенадцати часов.

Не могу встать с кровати. Просто не в состоянии сделать хотя бы одно движение. Тело ужасно ломит, низ живота сводит болью, а голова будто налита свинцом. Со стороны все давит. Эта темнота, эта прохлада. Эта боль…

Не физическая. Душевная.

Можно сказать, что воспоминания мигом вылились на голову, словно ведро ледяной воды, но это не так. Они никуда

не уходили, все время шли рука об руку со слезами на глазах и дрожью в теле.

Зачем вообще сейчас проснулась? Почему не вырубилась на несколько дней? А лучше бы вообще не просыпалась. Это невыносимо – лежать здесь и все время вспоминать минувшую вечеринку. Атмосферу веселья и ужаса, новизну, которая превратилась в хаос.

До сих пор помню его глаза. Бешеные. Звериные. Тех ярких оттенков, которые я так любила, как будто никогда и не было. В его сущности больше не было света. Когда-то обожаемого мною парня охватила беспросветная тьма.

Это больно, невыносимо больно осознавать, что ты катишься куда-то вниз по наклонной, не в состоянии остановить происходящее. Ты не знаешь, где право, а где – лево, почему родилась именно правшой, а не левшой, почему твои глаза ярко-зеленого цвета, а не серого.

Потерянная. Слабая.

Тошнит. И физически, и морально. Но если в физическом плане я смогу рано или поздно преодолеть ноющую боль, заглушить таблетками, вырвать весь негатив с корнем и излить в белого друга, то моральную не выкинешь из головы. Она останется там навсегда. Со временем потускнеет, конечно, приобретет блеклые краски, но не сейчас, когда каждое действие, каждое слово Джека отдается где-то в груди и не желает вырываться оттуда.

Становится чуть легче. Вру. Ни черта не легче. Тяжесть

в желудке остается на месте. Удалось только лишний груз с плеч скинуть и немного выпрямиться. Встать на ноги. Все равно шатает. Все кругом вертится, пока я дохожу до умывальника и несколько раз промакиваю холодной водой лицо. Даже горячий кран не включаю, как обычно. Бесполезно.

Отражение в зеркале шокирует. Это не я…

Та рыжеволосая девушка в мешковатом свитере осталась в России, а на ее место пришла незнакомка с потрепанной прической и разводами под красными глазами. Совсем чужая. Вроде бы те же малахитовые глаза, те же пухлые губы, рыжие волосы, но на моем лице улавливаются те черты, которые не замечала раньше. Лицо совсем бледное, волосы спутаны, круги под глазами появились.

Она не такая. Я не такая.

Чужая. Чужеродная.

Встаю под горячий душ. Капли обжигают нежную кожу, делая ее слегка красноватой. Вся грязь, вся горечь и желчь, что таились внутри, смываются вместе с теплой водой. Нежная пена успокаивает, дает душевное умиротворение.

Это временно, знаю. Стоит выйти из душа, я вновь стану такой же, какой пришла сюда. Но сейчас держусь за эту теплоту и ласку воды, как за спасательный круг. Потому что именно он дает силы не упасть на пол и не сломаться здесь, под теплыми каплями, содрогаясь от душевной боли.

Слышу шум в комнате, как только выхожу из душа. Кто-то каблуками цокает, громко разговаривает. Мужские и жен-

ские голоса. Может, за стенкой? Вряд ли. Звуки из нашей комнаты исходят.

– Сраный придурок! – звучит отчетливый голос Сары, как только запахиваю халат и выхожу из ванной. А точнее пытаюсь выйти из нее, но не решаюсь, таясь в дверях.

– А ты конченая сука, раз не умеешь держать язык за зубами! – голос незнакомый. Низкий. Глубокий.

– Да кто ты такой? Уйди на хуй из моей жизни и больше в ней не появляйся!

Из небольшой щелки между ванной и комнатой ничего не видно, но как только я распахиваю дверь, то тут же замечаю все еще одетую в костюм кошки Сару и высокого парня. Кажется, это и есть тот самый Патрик.

Половица громко скрипит под ступнями, заставляя сладкую парочку повернуться в мою сторону и окинуть ненавидящим взглядом. Черт, спалилась!

– Кажется, я не вовремя. Мне лучше…

– Я уже ухожу, – небрежно кидает парень и тут же выходит из нашей комнаты. Слишком резко, аж ветер прохладный подул. Но меня волнует не этот парень, а Сара, которая падает на кровать, сжимая голову ладонями.

Вот-вот готова заплакать. По крайней мере, мне так кажется. Напрасно. Сара не из тех, кто льет слезы. Ее не сломать.

Она не я…

– Сегодня такой трудный день, – тяжело вздыхает блон-

динка.

– Ты не представляешь, насколько.

Мой голос кажется болезненным, хриплым. Совсем незнакомым. И Саре он кажется таковым, судя по тому, как она глядит на меня и приобнимает за плечи. Успокаивающе. Только это все равно не поможет.

– Ох, прости. Мои разборки с Патриком не идут ни в какое сравнение. Как ты?

Как я? Наверное, этот вопрос можно отнести к разряду риторических. Вчера я лишилась девственности в грязном туалете ночного клуба. Против своей воли. Как ты и предсказала.

Так, стоп! Откуда…

– Ты знаешь? – в голосе слышится страх.

– Конечно! Об этом все знают. Я только что была у парней вместе с Патриком. Они все рассказали в подробностях.

Что? В подробностях? Нет! Не может быть! Как они узнали? Джек рассказал? Решил после моего унижения сразу же настучать друзьям? А я была лучшего мнения о нем. Боготворила, влюбилась без оглядки, наплевала на слухи, а он…

Подонок!

– Об этом никто не должен узнать, – проговариваю практически по буквам.

Ладони сжимаются в кулаки, а ногти царапают распаренную после душа кожу. Вот-вот кровь пойдет. Но мне плевать. Злость на этого урода пересиливает все физические повре-

ждения. Всю боль, которая отголоском присутствует внутри и ни на секунду не дает забыть о себе.

– Тише, Софи, не переживай, – Сара гладит меня по спине. Снова пытается успокоить. Бесполезно. – С Джеком вскоре все будет хорошо, вот увидишь.

Да? С ним-то все будет отлично! Этот мерзавец пойдет дальше окручивать невинных девушек и разводить на секс, а я останусь с вечной печатью позора! Как самая настоящая шлюха! И всем будет плевать, что Джек был моим первым, а я до последнего пыталась сопротивляться его действиям!

Обо мне разве кто-то позаботится? Я чуть не умерла этой ночью, а ты просишь не беспокоиться о Джеке? Серьезно?

И тут до меня доходит…

– Ты о чем? – вопросительно смотрю на подругу.

– Вчера Джека накачали наркотой, а когда он вышел на улицу, тут же отрубился. Ребята сразу скорую вызвали, те чуть копов за собой не притащили. Вечеринку всю разогнали к хренам. Ты что, не знала?

Не знала…

Нет, Сара, я не знала. Не знала, потому что лежала в туалете, скрючившись от боли. Не знала, потому что была душевно истощена и подавлена. Не знала, потому что считала Джека моральным уродом и настоящей скотиной. За то, что поступил со мной так подло. По-свински.

А сейчас все доводы рушатся в один миг.

Его звериный взгляд, сильные руки, припечатывающие к шаткой двери. Это не забудется никогда. Тот момент, когда жизнь разделилась на до и после, навсегда останутся в памяти.

Но затмить это поможет только тот, кто создал эти неприятные воспоминания…

Глава 12. Забыть прошлое

– На сегодня ты свободна, – командует менеджер – мужчина около двадцати семи лет. – С тобой все в порядке? Как зомби выглядишь.

– Да, все хорошо. Спасибо, – отвечаю без заминки в голосе.

В глубине души чувствуется облегчение. Чуть ли не вздыхаю от радости после утомительного рабочего дня. Больше не нужно стоять у прилавка и изображать доброжелательность. Рабочий день закончился. По крайней мере, я так думала. Но на самом деле все только начинается.

Наш дружелюбный менеджер сегодня не показался таковым. Хмуро смотрел на меня исподлобья, внимательно наблюдал за работой, делал лишние замечания, хотя до этого всегда оставался доволен мной. Странный. Или, может, мне просто показалось? В последние несколько часов могу запросто усомниться в увиденном или услышанном.

С чем это связано? Может, с тяжелым днем в университете? Или с бессонницей, которая мучила всю ночь? Не знаю и знать не хочу, однако потасканный вид, сильные круги под глазами и дикую усталость заметили сразу же.

Сначала одногруппники тыкали пальцем, затем преподаватели на парах, а напоследок начальник постарался. Даже о пропущенном рабочем дне напомнил не сразу. Сделал выго-

вор и назначил дополнительную смену. На первый раз простили, но больше поблажек не будет.

В голове сплошной хаос. Мучила себя, истязала, как самый настоящий палач. Воспоминания той ночи никуда не делись. Они всегда были рядом, куда бы я ни пошла. Легче не становилось. Эта тайна оставалась внутри и требовала, чтобы ее выплеснули наружу. Но я не могу. Просто не представляю, как буду ощущать на себе сочувствующие взгляды окружающих. Ощущать жалость.

Сегодня мне придется встретиться со своим кошмаром лицом к лицу. Посмотреть в глаза и понять, намеренно ли Джек так поступил или под действием наркотиков.

Страшно.

Но я должна разобраться во всем раз и навсегда, перестать терзать себя и ненавидеть Джека. Вру. Не могу его ненавидеть. Потому что он единственный парень, которого я любила.

И единственный, кто лишил меня невинности против воли…

До больницы добираюсь быстро – всего пара остановок на метро. Сара стоит возле главного входа и ждет меня, как договаривались с утра. Белоснежные стены, резкий запах медикаментов, холод, будоражащий нутро. Это описание подходит только одному месту на свете, в независимости от страны, в которой ты живешь.

Больницей нас запугивали с самого детства. Когда я по-

взрослела, она начала просто раздражать своей атмосферой. Теперь я отношусь более или менее нейтрально, но это место всегда будет ассоциироваться с недолгой жизнью или мучительной смертью.

Местом, где люди либо выживают, либо умирают…

И сейчас моя судьба решится именно в этих стенах. Либо я смогу преодолеть препятствия и счастливо проживать пасмурные деньки в Лондоне, либо умру, так и не вкусив прелести жизни.

– Привет, Джеки! Ты все-таки выжил! – Сара первая входит в палату, разрушая спокойствие, пронизывая каждый уголок палаты терпкими нотками счастья и веселья. Жаль, что я не могу разделить их.

Джек лежит весь бледный. Сильная рука с красивым рисунком выпирающих вен соединена с капельницей прозрачным проводком, по которому течет хлорид натрия, а голова покоится неподвижно на подушке. Пухлые губы почти не улыбаются, лишь уголки приподняты. Однако эта улыбка, которой когда-то любовалась, больше не приносит прежней радости.

Хочется сесть рядом с ним, погладить по светлым волосам и сказать, что все будет хорошо. Но это не так. Я солгу, если сделаю это. Ничего хорошего не будет.

Потому что я пришла за правдой, которая сломает нас обоих.

– И тебе привет, Кларк, – хрипит парень.

В этот же момент он из последних сил поворачивает голову в мою сторону и смотрит на меня. Глаза в глаза. Два когда-то серо-голубых омута, похожих самый настоящий лед, кажутся прозрачными, совсем тусклыми. Но их взгляд пронзает до мозга костей.

Вот я и встретилась со своим главным страхом…

Парализует. Не могу сдвинуться с места. Стою около двери, в то время как Сара садится рядом. Словно она его девушка, а не я. Только разница в том, что ее не подвергали насилию. Ни Джек, ни кто-либо другой.

И я не знаю, что делать. Пожалеть его или накинуться с обвинениями. Улыбнуться и присесть рядом или отвернуться и больше не сталкиваться никогда в жизни. Люблю ли я его или ненавижу? Два противоположенных чувства словно сражаются на поле боя. И сейчас в моей голове происходит восстание. Но кто победит? Я и сама не знаю.

– Док сказал, что ты еле жив остался. Помнишь хоть что-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.